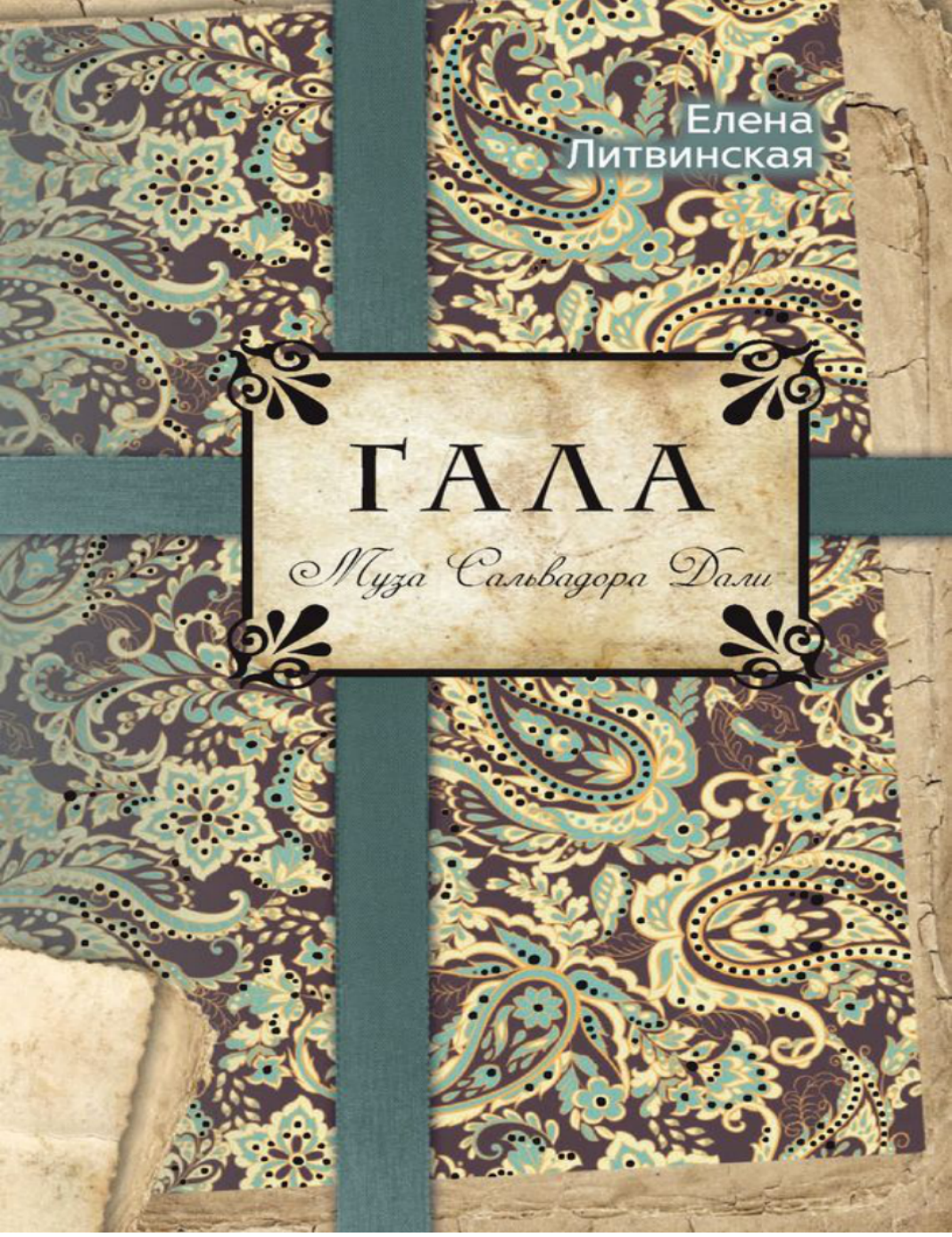

Елена
Литвинская
ГАЛА
Муза Сальвадора Дали

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ее звали Елена Дьяконова. Но в историю она вошла как Гала — муза и жена французского поэта Поля Элюара, а затем испанского художника Сальвадора Дали. Когда мы произносим это короткое имя, звучащее одинаково на всех языках мира, в воображении возникает образ необыкновенной женщины, решительной и харизматической. Она не была красавицей, но обладала особым женским магнетизмом, что заставляло мужчин терять от нее голову. Весь мир до сих пор перечитывает дневники и письма Дали, в которых он восхваляет свою жену. О том, какой была эта женщина и как прожила свою жизнь, в книге писательницы Елены Литвинской. Издание дополнено иллюстрациями и воспоминаниями современников героини.

- Елена Литвинская
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Глава первая. Эта странная русская
    - ■ Одинокое путешествие
    - ■ Семья Гала
    - ■ Гала и сестры Цветаевы
    - ■ Малыш Жежен
    - ■ Соперница
    - ■ Двойники
    - ■ Особый дар Гала
  - ○ Глава вторая. Муза поэта
    - ■ Бои местного значения
    - ■ Ничего, ничего, кроме любви
    - ■ Принцесса на горошине
    - ■ Замужество
    - ■ Рождение дочери
    - ■ Муза с севера
    - ■ «Я люблю Макса Эрнста больше, чем Гала»
    - ■ Два мужа Гала
    - ■ Исчезновение
    - ■ Единственная
  - ○ Глава третья. Жена гения
    - ■ Под солнцем Каталонии
    - ■ Оживший сон
    - ■ Прогулки по скалам

- Поцелуй
- Гала выбирает Дали
- Изгнание Дали
- Фанаты страсти
- Бедные, но гордые
- Современники о Гала
- Мифическая женщина
- Avida Dollars
- «Атомная Леда»

○ Глава четвертая. Гала навсегда
- Возвращение
- Венчание Гала и Дали
- Мадонна с лицом Гала
- Явление Короля-Солнце
- Королева замка Пуболь
- Подруги Дали
- Поздняя любовь
- Печальный конец

Елена Литвинская
Гала. Муза Сальвадора Дали

© Ерофеева-Литвинская Е. В., 2017
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

…Моему гению, моей победоносной богине Гале Градиве, моей Елене Троянской, моей Святой Елене, моей блистательной, как морская гладь, Гале Галатее безмятежной.

Сальвадор Дали, «Дневник одного гения»

Вступление

Ее звали Елена Дьяконова. Русская, из Казани. Но в историю она вошла как Гала — муза и жена французского поэта Поля Элюара, а затем испанского художника Сальвадора Дали. Когда мы произносим это короткое имя, звучащее одинаково на всех языках мира, в воображении возникает образ необыкновенной женщины, энергичной, решительной и харизматической. Она не была красавицей — в овале ее узкого лица и во всей ее худощавой фигуре проглядывали строгость, суровость и надменность, — но обладала особым женским магнетизмом, что заставляло мужчин терять от нее голову. Ее переполняла мощная женская энергия, внутри нее словно пылал огонь. Гала часто называли колдуньей — и в самом деле, ей были известны все секреты превращения талантливого мужчины в гения. Рядом с ней мужчины обретали бессмертие. Она полностью завладевала не только чувствами мужчины, но и его разумом, опекала, поддерживала, вдохновляла…

Гала — волнующая, непостижимая женщина, женщина-загадка. Не разгадал эту загадку Поль Элюар, называвший Гала «сестрой, подругой, возлюбленной и тайной». А для Сальвадора Дали она всю жизнь оставалась тайной внутри тайны. Свою семью Дали называл святым семейством, в котором главную роль вместе с ним играла Гала. Он писал: «Самое главное на свете — это Гала и Дали. Потом идет один Дали. А на третьем месте — все остальные…»

Глава первая. Эта странная русская

Русский тип — неврастенический,
Без конца изучающий, копающий
Проблему психологическую.
Присваивает себе силу магическую.
(…)
Часто он энигматический,
Странный, анафеме предающий.
Манеры его сардонические.

(из стихотворения Поля Элюара)

Одинокое путешествие

…В будний зимний день 12 января 1913 года на перрон вокзала Давос-Плац вышла закутанная в меха молодая девушка, которой еще не исполнилось девятнадцати лет. На нее не обратили бы внимания, если бы не одно обстоятельство: у нее не было сопровождающих, она ехала совершенно одна, что в те времена считалось странным и не совсем приличным. Во внешности девушки не было ничего особо примечательного, кроме, пожалуй, необычного, обжигающего, пронзительного взгляда ее черных, как смоль, глаз, сверкавших на ее матовом лице с широкими славянскими скулами и высоким лбом. Этим глазам влюбленный Поль Элюар посвятил одну из своих молодых книг «Sex yeux» — страницы были полны набросков Галиных глаз. «Глаза ее поют об ее уме. Глаза ее в знойное лето прохлада. Тепло холодной зимой. Глаза ее постигают себя и смеются», — напишет Элюар… А вот строки из другого стихотворения: «Она глазами в красоте своей. Раз очень просто соблазнять. И вот ее глаза порабощают. И это я кто был порабощен». Он находит в них «свет манящий» и «отблески старого золота»… И это лишь штрихи к поэтическому портрету, который Элюар будет создавать всю жизнь… С цветом глаз гармонировали черные, густые, завитые локонами волосы, а маленький рот с узкими губами говорил о скрытности. Она казалась высокой, потому что держалась очень прямо и гордо вскидывала голову, но на самом деле это было не так.

Ее путь лежал из Москвы в высокогорный санаторий в Клаваделе, где лечили больных туберкулезом, страшной болезнью века, по статистике, уносившей семь из ста городских жителей. Чистый горный воздух, богатый кислородом, усиленное питание, включавшее мясо, молочные продукты и красное вино за каждым приемом пищи, размеренный образ жизни, полноценный сон и отдых — такое лечение предлагали пациентам знаменитые санатории Швейцарии. И эта молодая девушка была больна, но не казалась подавленной. Помолившись на дорогу и взяв с собой иконы, она очень надеялась выздороветь. Господь не допустит, чтобы ее не стало в таком юном возрасте! Но где-то в глубине ее души все же притаился страх. Ведь унес же этот смертельный недуг мать ее близких подруг Аси и Марины Цветаевых, — Марию Александровну, потрясающую пианистку, неутомимую помощницу своего мужа, университетского профессора Ивана Владимировича Цветаева, в делах создания Музея изящных искусств, который он подарил Москве! Ссоры и драки сестер, при

этом у каждой был свой стиль — Марина кусалась, а Ася царапалась, — отчаянное соперничество, ревность, борьба за любовь и внимание матери прекратились, когда Марии Александровны не стало. Жарким июльским днем 1906 года молодая женщина скончалась в Тарусе. Перед смертью она сокрушалась о том, что не увидит, какими станут ее дочери… Ивана Владимировича, лишившегося жены, хватил удар, надолго приковавший его к больничной койке. Оправившись, он вновь с головой окунулся в свои бесчисленные дела. А для Аси и Марины наступило время тоскующего сиротства, душевной растерянности и глубокого внутреннего одиночества…

Да и сколько таких — красивых, молодых, талантливых, — ушедших преждевременно? Об этом Гала — а именно так девушка представлялась при знакомстве — старалась не думать… Более того, знание о том, что ей, может быть, отмерено немного, порождало у Гала страстное желание жить.

Семья Гала

Галой почему-то с детства звала ее мать, хотя отец, Иван Дьяконов, назвал свою дочь, родившуюся 26 августа 1894 года, Еленой. Отец был чиновником в Министерстве сельского хозяйства. Он умер в 1905 году. Мать, Антонина Деулина, происходила из купеческого рода, владевшего в Сибири золотыми приисками. Всего лишь раз семья ездила на родину матери, в Тобольск, где дети навещали бабушку. А летние каникулы они проводили в Крыму, снимая домик на берегу Черного моря. После смерти мужа Антонина, оставшись с четырьмя детьми — сыновьями Вадимом и Николаем и дочерьми Еленой (Галой) и Лидией, — вышла замуж второй раз за адвоката Димитрия Ильича Гомберга.

«Когда я в первый раз увидала отца Гали, Димитрия Ильича Гомберга, я подумала: Рудин! — вспоминала Анастасия Цветаева. — Среднего роста, крупнолицый, смуглый, длинные черные волосы, узкие, как у Гали, глаза, карие, щурящиеся, ласково-проницательные… что-то героическое. Юрист, он хорошо говорил. Увидав нас с Мариной вместе, он нас сразу заметил, отметил, стал провожать нас, по дороге говоря с нами как со взрослыми, показывая явный интерес к нам. Галя чуждалась и этого — не спорила, не участвовала. Так же мало говорила она о своем брате Вадиме — больном, умном юноше. Любила она, кровной любовью, думается, только своих младших — Колю и Лиду».

Гала (Елена Дьяконова) в молодости

Вся семья перебралась из Казани в Москву, где поселилась в Трубниковском переулке на шестом, самом верхнем, этаже дома номер 14. Шестой этаж был выбран из-за стремления к чистому воздуху, так как здоровье Гала вызывало опасение у родителей. Если дети были верующими, часто посещали храм и молились перед иконами, если Гала без конца крестилась — по поводу и без повода — и шептала молитвы (она была очень набожной), то Димитрий Ильич не разделял их взглядов на религию, что не мешало Гала любить его. Настолько, что она даже взяла его отчество — Димитриевна. Он отвечал ей тем же — среди детей именно Гала была его любимицей. Поговаривали, что Димитрий Ильич — настоящий отец Гала, что она — незаконнорожденный ребенок, но так ли это, трудно сказать. Тем более что Гала никогда не рассказывала о своем происхождении. Своим высокомерным и гордым видом она, сдержанная до холодности, немногословная, отнюдь не привлекала к себе людей и не любила откровенничать. Гала умела быть и вызывающе дерзкой, и таинственной. Оказавшись в закрытом мирке высокогорного швейцарского санатория, «фройляйн Дьяконофф», как ее

называли, избегала рассказов о Москве, о России, о своей семье и, казалось, несла в себе какую-то неразрешимую загадку, жгучую тайну — происхождения ли, отношений ли в семье, — говорить о которой она запрещала. Это усиливало любопытство окружающих и желание эту тайну разгадать… Значит, ей было что скрывать? Или таким образом она оберегала свой внутренний мир от вторжения посторонних?

Казань на рубеже веков

Интересные факты о Казани сообщили авторы книги «Гала (Елена Дьяконова). История в женских портретах», выпуск № 10, 2013. Еще с XVIII века Казань, красивая и древняя столица Казанской губернии, считалась культурным и научным центром Поволжья. Здесь открыли первую в России провинциальную гимназию. Важным событием в жизни города явилось создание в 1804 году Казанского университета, старейшего после Московского и продолжавшего его традиции. Город был театральным центром со своим профессиональным театром и многочисленными любительскими труппами. Среди уроженцев Казани знаменитый бас, великий Федор Иванович Шаляпин. Его первое выступление состоялось в семнадцатилетнем возрасте на одной из любительских сцен, за четыре года до рождения Елены Дьяконовой. По улицам города курсировала конка, работало газовое и электрическое освещение, а в самом конце века появился электрический трамвай.

Гимназия Потоцкой

«Гимназия, куда я с третьего класса вступила, была первой моей русской школой. Мне не с чем было ее сравнить. Как я жалею теперь, что по молодости не отдавала себе ясного отчета о том месте, какое занимала либеральная гимназия Потоцкой среди московских средних учебных заведений, и не осознала всех ее особенностей для моего будущего. Из класса в класс экзаменов у нас не было, отметок не ставили, чтобы не ради них, а ради знания учились учащиеся, отметки об успеваемости учителя делали у себя. На все эти

нововведения начальство косилось, и выпускные экзамены в нашей гимназии происходили в присутствии представителей учебного округа, которые к выпускницам придирались. В гимназии Потоцкой была широко развита самодеятельность — каждыйкласс в содружестве с учителями устраивал вечера: один класс — вечерДревней Греции, другой — вечерСредневековья, третий — из эпохиДревнего Египта; пьесы для этихвечеров писали учителя, ученицыразыгрывали их. Ставились отрывкиизФонвизина, сцены из „Горя от ума“. Но, может быть, не только навыпускных экзаменах проявлялсянедоброжелательный интерес свыше — к оппозиционным настроениям нашейгимназии. Слишком резко порядки ее иобычаи отличались от другого, правительственного типа гимназий».

(Анастасия Цветаева «Воспоминания»)

Гала и сестры Цветаевы

Гала училась в гимназии Потоцкой, где и познакомилась с Асей Цветаевой, своей ровесницей, которая поступила туда с третьего класса. Марина же Цветаева в то время посещала гимназию Алферовой.

Учеба давалась Гала легко — в ее табеле были только пятерки и четверки. Особенно увлекалась она русской словесностью. У отчима была огромная библиотека, которую он тщательно собирал и которой гордился, и Гала пристрастилась к чтению. Если выдавалось свободное время, она предпочитала проводить его, полностью погрузившись в книгу. Читала она запоем.

Особенно любила романы Толстого и Достоевского. Чтение зачастую заменяло ей реальную жизнь, реальное общение с людьми. Она жила жизнью своих любимых героев, следовала за перипетиями их судеб, радовалась, ликовала, плакала и страдала вместе с ними.

Анастасия и Марина Цветаевы, 1905 г.

Ресницы Гала

«В полупустой классной комнате на парте сидит тоненькая длинноногая девочка в коротком платье. Узкое лицо, русая коса с завитком на конце.

Необычные глаза: карие, узкие, чуть по-китайски поставленные. Темные густые ресницы такой длины, что на них, как утверждали потом подруги, можно рядом положить две спички.

В лице упрямство и та степень застенчивости, которая делает движения резкими».

(Анастасия Цветаева. «Воспоминания»)

Атмосфера высокой романтики, наполнявшей дом Цветаевых в Трехпрудном переулке, куда она любила приходить в гости, пленяла ее. А Марина, писавшая такие удивительно прекрасные стихи, вызывала у нее восхищение, смешанное с обожанием. Комната Марины, через одну от Асиной, находилась на антресолях.

Характер Гала

«Один из самобытнейших характеров, мною встреченных. Взгляд ее узких, поглощающих глаз, движение волевого рта — и она была милее, нужнее всех, что глядели на меня с восхищением. Темы, все, были общие. Стихи, люди, начинающиеся в вихре рождавшегося вкуса — причуды. В ней, пожалуй, сильней моего некое оттолкновение; во взлете брови вдруг вспугивающий весь пыл застенчивости короткий взрыв смеха. … Она хватала меня за руку, мы неслись».

(Анастасия Цветаева. «Воспоминания»)

Сидя с ногами на Маринином диване (Марина не любила кровати и всю жизнь спала на диванах), подруги лакомились душистыми вязкими ирисками, которые прилипали к языку и зубам, на ходу сочиняли разные смешные истории, рассказывали обо всем на свете, дарили друг другу кого-то из своего прошлого и беспрерывно смеялись. Гала отличалась необычайным чувством юмора — смех ее буквально захлестывал, как стихия. В такую же стихию смеха нередко погружались Марина и Ася Цветаевы. Но,

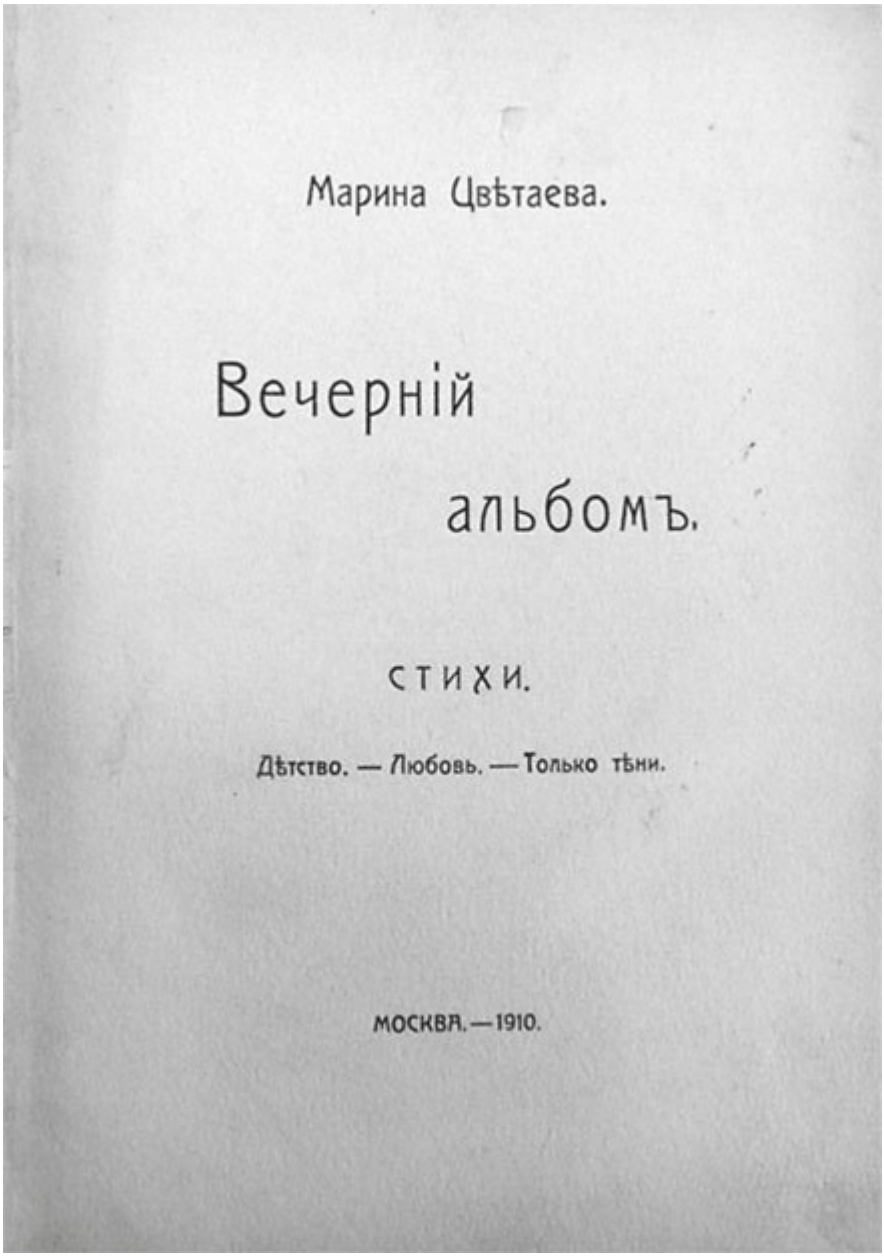
как отмечала Анастасия, в Гала присутствовала несвойственная сестрам Цветаевым ланья пугливость, в которой было и интеллектуальное начало, выражаемое мгновенной судорогой смеха, который вскипал одним звуком.

Девочка в матроске

«Взлетали брови, все ее узенькое лицо вспыхивало, и, озираясь на кого-то, на что-то ее поразившее, отпугнувшее, она срывалась с места: не быть здесь. Так некая часть ее сущности была — в убегании, в ускальзывании от всего, что не нравилось. Не осуждая, не рассуждая, она, может быть еще не осознав, отвертывалась. Девочкой в матроске, с незаботливо заброшенной на плечи — пусть живет! — косой, кончавшейся упрямым витком. Быть занятой ее толщиной, холить? Стараться — над косами? Гордиться? Взлет бровей, короткое задыхание смеха».

(Анастасия Цветаева. «Воспоминания»)

Воскресные вечера в Марининой комнате, когда сгущались сумерки, были для подруг самым счастливым временем. Сестры рассказывали Гала о своем детстве в России, о годах и друзьях за границей. Детство Цветаевых прошло в Москве, в родительском доме в Трехпрудном переулке, летом — на даче в Тарусе, а потом — в Италии, Германии, Швейцарии. Их матери Марии Александровне необходимо было сменить климат и лечиться у европейских врачей: у нее обнаружили туберкулез… Марина, нежно любившая Гала, умную и талантливую, читала свои стихи, которые Гала слушала с восторгом и упоением, и Марина радовалась ее пониманию. Когда Гала восхитилась одним стихотворением Марины, та сказала ей: «Нравится? Я вам его, Галочка, посвящу». Это были стихи «Мама в саду», напечатанные в первом сборнике Марины «Вечерний альбом», увидевшем свет в 1910 году и получившем хвалебные отзывы в среде писателей и поэтов. Гала сразу распознала огромный талант в начинающей поэтессе — и не ошиблась: Марине Цветаевой был уготован путь великого русского поэта.



Вечерний альбом, первый сборник стихов Марины Цветаевой, 1910 г

Марина Цветаева, 1911 г.

Мама в саду

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени…

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело…
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени.

Марина Цветаева, 1909

В декабре 1911 года Ася Цветаева по примеру старшей сестры уехала со своим женихом Борисом Трухачевым в длительное заграничное путешествие. Тайное, разумеется. В разных поездах, чтобы родители ни о чем не догадались. Под предлогом лечения. На самом деле Ася была беременна. Варшава, Женева, Монако, Монте-Карло, Ницца… Чудесные европейские места. Наслаждение свободой, молодостью, любовью… Вдалеке от осуждавших их взрослых, делавших все, чтобы не дать Асе и Борису соединиться. А может, им было виднее? Они не думали о том, что ждет их впереди. Юные, праздные, беззаботные…

Весной на Французской Ривьере, куда Гала приехала из швейцарского санатория, состоялась неожиданная встреча гимназических подруг. Одна из них еще оставалась девчонкой, другая уже ждала ребенка и была одета как взрослая дама. «Был весенний день, — вспоминала Ася. — Мы обе страшно обрадовались! Галя была в матроске… выглядела длинным подростком. Движеньем наших насмешек над нарядами подруг в зиму тринадцатилетия в гимназии Потоцкой она тыкала смуглым длинным пальчиком в мою шляпу и в мое манто и, подымая густые брови над узкими карими китайскими глазами, давилась

смехом. Я была ей „Аська“, девчонка, играющая в „даму“, и веселью не было конца!»

Подруги взахлеб вспоминали, перебивая друг друга, всякую всячину: Никитскую улицу, весну четыре года назад, косхалву, вербу, «тещин язык», и «Американского жителя», и те карамели, «прозрачные», без которых не проходили их московские встречи… Гала нужно было купить шляпу, и они с Асей отправились в магазин, где Гала приняли за Асину дочь! Они едва не упали от неудержимого приступа смеха. «Дочь» выбрала широкополую светлую шляпу с несколькими цветочными веточками, и подруги продолжили свой веселый путь меж пальм и садов…

Гала навсегда уехала из России в 1916 году. А жизнь Аси сложилась так, что она осталась одна с сыном Андрюшей в голодной послереволюционной Москве. Ее приютили… мать и отчим Гала в своей бывшей квартире в Трубниковском переулке, превращенной в коммуналку. Им удалось чудом отстоять кабинет Димитрия Ильича с колоннами, одну из комнат по коридору и маленькую комнатку. Шел 1921 год. Отопление не действовало, электричество не горело, но, к счастью, в комнатке Аси была печка. Но из сломанного окна, заткнутого бумагой, картоном, тряпками, сильно дуло, и Андрюша часто простужался. Сам Димитрий Ильич и Антонина Петровна лишь временами наезжали в Москву — они устроились работать под Москвой, в Марфино, где и обосновались. Они давно уже не были мужем и женой и сохраняли по отношению друг к другу лишь иронию…

> «Нас навещает Антонина Петровна, мать Гали, постаревшая и худая, — вспоминала Анастасия Цветаева, — приносит Андрюше немножко хлеба, репку или морковки. Она рассказывает мне о Гале, ее муже, их вилле в Париже, об их дочке Сесиль (ей шесть лет) — темноглазая, круглолицая, с огромным бантом в темных волосах, с огромным мячиком или с гигантским плюшевым медведем; от фотографий веет щегольским аппаратом».

Казалось, что Гала и Ася никогда больше не увидят друг друга. Но судьба подарила им еще одну встречу, последнюю, в Париже в 1927 году. Ася выехала в Италию по приглашению Максима Горького, гостила у него в Сорренто, и ей представилась возможность побывать в Париже и увидеться с сестрой Мариной. Тоже в последний раз… Гала встретила подругу на одном из отдаленных парижских вокзалов. Они не виделись около двенадцати лет, но сразу узнали друг друга. Косы Гала сменились пушистыми подвитыми волосами, ширившими ее узкое лицо. Но

голос и глаза остались прежними. Те же узкие, чуть китайские, с длиннейшими ресницами. Смеясь и задумываясь, Ася слушала рассказ Гала об их весьма необычайном браке с Полем Элюаром. Она рассказывала, что несколько лет назад муж неожиданно уехал без нее на Таити и она жила в Париже одна, а затем поехала к нему. Теперь они по-прежнему вместе. Их отношения сложные, но расставаться они не собирались — по словам Гала, они вросли друг в друга. (Всего через два года окажется, что это не так…)

> «Я слушаю, смотрю вокруг — их комнаты похожи на музей: Элюар — страстный коллекционер редкостей, — вспоминала Цветаева. — Остались в памяти деревянные и каменные скульптуры: идолы, божки, статуэтка Будды да прозрачная, как хрусталь, лошадка. Я вживаюсь в эту незнакомую, через Галю уже близкую жизнь, которую я, так случайно встретив, правом двадцатилетней дружбы, завтра, может быть, навсегда покину, стараюсь понять новую, когда-то знакомую Галину жизнь. Элюар — через Галю уже родной: я о нем столько и так давно слышала, и он не может обмануть моих ожиданий».

Беседа Аси с Полем, показавшимся ей чем-то похожим на Маяковского, чей пронзительный взгляд был полон ума и печали, длилась без малого сутки. Ася вспомнила свой французский, который по мере течения беседы обретал свою прежнюю беглость. «Ваша страна в самом деле удивительна, — сказал ей Элюар. — Я никогда не мог с французскими женщинами говорить серьезно, свободно, с полным знанием, что понят. Так я говорю — из женщин — всего во второй раз в жизни. В первый раз это было с моей женой, Галей, во второй раз — с вами. И обе вы — русские!»

Эйфелева башня, Париж, 1920-е гг.

На прощание Гала нарвала подруге букет благоухающих роз из своего сада, за которым сама ухаживала, и сказала: «Мы тебя отвезем на вокзал на нашей „телеге“».

Малыш Жежен

…Этот тонкий, узкоплечий молодой человек с правильными чертами лица и нежным, как у ребенка, взглядом, был единственным французом среди пациентов высокогорного санатория. И единственным поэтом, правда только недавно ступившим на стезю поэтического творчества и писавшим стихи втайне от всех. Он одевался очень элегантно, носил галстук-бант, а по воскресеньям облачался в костюм-двойку. Полное имя его было Эжен Эмиль-Поль Грендель, но родители ласково называли его Жежен или малыш Жежен и обращались с ним как с восьмилетним ребенком. Они баловали его, чтобы он, в отличие от них в детстве, ни в чем не нуждался, и таким образом брали реванш за свое тяжелое и нищее прошлое. В санаторий юношу привезла его мать Жанна-Мария Грендель, брюнетка с печальным выражением глаз, которая жила с ним в одной комнате и всячески опекала и холила единственного сына. В отличие от Гала, которая рано стала самостоятельной, Эжен пока пребывал под присмотром матери и полностью ей подчинялся. Болезнь Эжена захватили в начальной стадии, она еще не зашла слишком далеко, но он, как и Гала, боялся умереть молодым.

Отец Эжена Клеман Грендель, зажиточный парижский буржуа, успешный торговец земельными участками, не одобрял увлечения сына написанием стихов, что в планы семьи не входило и расценивалось как непозволительная блажь. Разве сочинение стихов — это профессия? Денег на этом занятии не заработаешь — так рассуждал отец. Он пытался отвратить сына от пути, ведущего, по его мнению, в никуда, и не собирался расширять границы своего устоявшегося мирка. «Мой мальчуган, моя жена, я! Все остальное — пустяки!» — согласно этому девизу Клеман Грендель выстраивал свою жизнь. Сын должен унаследовать семейный бизнес, стать крепким хозяином, научиться считать и приумножать деньги. А иначе зачем отец все это создавал, пробиваясь из низов? Он начал с конторского служащего и быстро добился успеха. У сына же было совершенно другое мнение о своем предназначении. Его неудержимо притягивал к себе мир поэзии, живописи, искусства, мир возвышенных образов, о которых отец, совершенно приземленный человек, не имел понятия. На семейном совете было решено привлечь Эжена к делам отца, но он не смог начать работать из-за неожиданно обнаруженного туберкулеза.

Приехав в санаторий, Эжен сразу обратил внимание на Гала, выделявшуюся среди других обитателей Клаваделя. Загадочная,

непроницаемая, погруженная в книги, с черными локонами и сверкающими глазами на строгом лице, девушка поразила воображение юного поэта, которому едва исполнилось семнадцать. В первых стихах Эжена Гала «неуловимая», «манящая», «властная», «презрительная», «бесстрашная»… В окружении взрослых, казавшихся ей старыми, Гала хотелось бы познакомиться с кем-то молодым, чтобы пошутить и посмеяться, как это было с Асей и Мариной в гимназические годы. Гала не могла пройти мимо своего сверстника, выглядевшего так романтично, непременно с книгой в руке, и бросавшего на нее заинтересованные взгляды. Им двоим разрешалось читать во время послеобеденного отдыха в застекленном зимнем саду, где рядами стояли кровати для больных. Отдых после обеда — священное время Клаваделя, этой тихой гавани на волшебной горе. Никаких разговоров, перешептываний, полный покой. Но Гала, так же как и Эжен, успокаивалась только с книгой. Читая, они уносились в другие миры, отвлекались от своей болезни и неизбежных мыслей о смерти, и на них, нарушителей строгих санаторных правил, махнули рукой.

Клавадель, Швейцария

> «Вопреки отзывам, которые можно услышать от самых разных людей, Гала вовсе не была закрытым и неискренним человеком, она была русской, одновременно суровой и обаятельной, с непредсказуемыми перепадами настроения», — писал журналист Робер Дешарн, друг Сальвадора Дали.

…Однажды во время послеобеденного отдыха Гала несколькими штрихами, образующими треугольник, набросала на листке бумаги фиолетовым карандашом профиль этого пока незнакомого ей молодого человека и подписала по-французски: «Портрет молодого человека, поэта семнадцати лет». Внизу, чтобы посмеяться над рисунком, добавила вычурное слово, которое сама же и придумала: «Triangulisme!» (от французского *triangle* — треугольник). Рисунок, переданный из рук в руки за спиной медсестры, находит своего адресата — тот спокойно, ни о чем не подозревая, как всегда, читал в шезлонге. Удивленный Эжен — а может быть, он уже ожидал от этой русской девушки нечто подобное — тут же сделал приписку: «Что за молодой человек? Ответьте быстрее!» Смелая Гала ответила приглашением-приказом, не допускающим возражений: «Сегодня вечером вы будете есть со мной». И вот в столовой они уже сидят вместе за столиком на четверых, конечно же с матерью Эжена.

Соперница

…Мадам Грендель была вне себя. Эта русская пытается отнять ее сына, ее единственного малыша, ее Жежена! Приехала с края света, из холодной и загадочной России, предоставлена самой себе, никто ее не навещает. Слишком много читает — неприлично для молодой барышни. Ведет себя непредсказуемо. Не знаешь, чего от нее ожидать — то смеется от души, то впадает в уныние. Может, у нее расстройство психики? Не расстается с иконами, прямо идолопоклонство какое-то. И имя ее не значится в церковном календаре. Что значит Гала? Очень странно! В ее поведении проскальзывает что-то тревожное, варварское, вызывающее опасение. Не такую девушку желала бы видеть мадам Грендель рядом со своим сыном. Ему бы подошла разумная, простая хозяйка. А он ведет себя как околдованный. Никого не видит, кроме Гала. Перестал подчиняться матери, не слушается ее советов и вопреки ее запретам встречается с Гала. Они часто уединяются, выходя на прогулки в окрестностях санатория по заснеженному лесу. Подбрасывают друг другу под дверь записки, в которых назначают свидания. Даже уехали без нее в Давос, где накупили книг и шоколада. Вместе ходят в библиотеку за книгами. Смотрят друг другу в глаза, держатся за руки, беспричинно смеются. Добавляют в конце своих посланий: «Хи! Хи! Хи!», что говорит об их счастье, взаимопонимании и прекрасном настроении. Они забыли, что больны, и ведут себя беспечно. А что может быть лучшим лекарством, чем любовь, в этом коконе для обреченных? Но мадам Грендель так не думает… Эта странная русская вызывает у нее лишь неприязнь и недоверие, но сын с каждым днем привязывается к ней все больше. Оскорбленная, терзаемая ревностью к молодой сопернице в борьбе за сердце ее сына, бывшего смыслом всей ее жизни, в июне 1913 года Жанна-Мария Грендель покидает санаторий и возвращается в Париж. Будь что будет…

Двойники

В санатории больных старались развлекать, чтобы хоть чем-нибудь разнообразить унылые дни, подчиненные строгому распорядку. Для празднования «скоромного вторника» (последний день перед постом) затеяли костюмированный бал. Приготовления к этому празднику длились довольно долго. Кто-то выбрал себе костюм султана, кто-то — Кармен, кто-то — Клеопатры. Эжен и Гала держали свои замыслы в секрете, заговорщически перешептываясь, чтобы никто ни о чем не догадался. И вот наступил день бала. Танцевальный зал, где проходил праздник, украсили бумажными гирляндами. Влюбленные, держась за руки, плавно ступая, как две лунные тени, вошли в ярко освещенный зал вместе, в костюмах двух Пьеро. Они выбрали совершенно одинаковые костюмы — Гала не была Пьереттой, она была именно Пьеро, бледным и грустным, — и одинаковый грим. Волосы они убрали под белые круглые колпаки, лица обсыпали мукой, глаза обвели черным и нарисовали над ними черные островерхие скобки. Различить их было невозможно. Где Эжен и где Гала? Кто чей двойник? Кто кому подражает? Единственное отличие — Гала вышла с вырезанным из картона силуэтом черной кошки в правой руке. Она очень любит кошек, особенно черных, ведь это животное таинственное, ночное, связанное с оккультным миром, умеющее предсказывать…

Клавадель, Швейцария

Любила предсказывать и Гала — она всегда носила с собой карты Таро и раскладывала их, пытаясь заглянуть в будущее. И ее предсказания сбывались. Порождение этого дара предвидения — стойкий оптимизм Гала, на который всю жизнь будет опираться

по природе робкий и застенчивый, несмотря на внешний эпатаж, Сальвадор Дали, ставший вторым мужем русской музы. То, что Гала читала по картам, ее удивительные видения и предсказания вдохновляли художника. Гадалка в костюме от Шанель? Почему бы и нет!

Особый дар Гала

У Гала, не обладавшей никакими художественными талантами — она не писала стихов, не рисовала картин, — был особый дар: распознать талант в другом человеке и сделать все, чтобы он проявился в полной мере. Этому помогали ее удивительная чуткость, прозорливость, острый ум и тонкий вкус. Гала называли «повитухой талантов», и это соответствовало истине. Она умела вдохновлять, как никто. Еще в гимназии она почувствовала безмерный дар Марины Цветаевой, которая только вступала на поэтическую стезю. Гала всегда хотелось быть похожей на Марину. А когда Эжен, смущаясь, показал ей свои стихи, она поняла, что юноша — настоящий поэт. Поэзия для Гала — высший дар, превыше красоты. Поэты казались ей небожителями, и она увидела такого небожителя в Эжене Гренделе, ставшем знаменитым поэтом Полем Элюаром. Позже она скажет: «Поль Элюар был талантом, но Сальвадор Дали был гением», и это многое объясняет в ее скоропалительном решении оставить налаженную, обеспеченную жизнь с обожавшим ее Элюаром и, начав все с нуля, уйти к Дали, который ее боготворил…

Поль Элюар

Теперь их с Эженом кровати в зимнем саду во время послеобеденного отдыха располагаются рядом, и Гала, лежа в мечтательной позе, слушает стихи, написанные для нее. Она для начинающего поэта — первый настоящий слушатель, чуткий и понимающий, разделяющий его порывы, родственная душа, которая до этого ему не встретилась, и муза, вдохновляющая его, и критик в одном лице. Пусть Гала не в совершенстве владеет французским, но она чувствует музыку стиха. Ее замечания очень

точны. Не скрывая своих чувств, она говорит Эжену: «Вы станете великим поэтом!», предсказывая его будущее, в которое свято верит. Первые стихи, отправленные Эженом в Париж, переписаны ее рукой.

Хотелось бы мне крылья иметь,
Стихами упрямыми мысли одеть,
Поймать, приручить ускользающий ритм.
Но я устал, мой путь неотвратим —
К смерти, —

в порыве откровенности признается Эжен девушке, очаровавшей его. С этого момента все, им написанное, он будет посвящать Гала, в которой его привлекают сила ее характера, несгибаемость и жизнелюбие. Волнующая, своевольная, царственная, Гала неудержимо притягивает Эжена, оказавшегося в положении «любовника без обладания», своей недоступностью. Она, позволяя смелые ласки, не отдается ему до конца, не торопится расстаться с девственностью и хочет сделать это только после свадьбы. Ночами влюбленный Эжен мечтает о ней…

Эта странная женщина,
Что приходит каждой ночью
Развеять скуку грез.
Тело ее — золотая поэма,
Бесстрастное, роскошное и гордое,
Презирающее собственную плоть.

О том, чтобы опубликовать свои произведения, стеснительный и нерешительный Эжен даже не думал, считая себя недостойным такого шага. Это Гала настояла, чтобы он отправил их в издательство. По легенде, она даже сказала ему: «Я стану твоей, когда выйдет твой первый сборник». Вдохновленный и поддерживаемый Гала, Эжен решается отдать свои стихи в печать. В декабре 1913 года, к восемнадцатилетию поэта, в Париже выходит первая книжка стихов Эжена в сто одиннадцать страниц, которую он издал за свои деньги, так и названная им без особой фантазии: «Первые стихи». Она начинается с посвящения Гала:

И в лесах, и в лугах
Поэт мечтает о своей красавице с нежной грудью
(…)

И на него нисходит благодать.

Сборник подписан: «Поль-Эжен Грендель» — поэт просто поменял свои имена местами. А в том же месяце в печати появляется сонет «Святые женщины». Под ним подпись: «Поль Элюар Грендель». Элюар — фамилия бабушки Эжена по матери, умершей в нищете от истощения в тридцать семь лет. Вскоре за той же подписью выходит вторая книга поэта «Диалоги бесполезных людей», состоящая из тридцати одной страницы, на которых разместилось четырнадцать стихов в прозе. Бесполезные люди, по мысли автора, это он и Гала, предающиеся любви, мечтам и поэзии. Восхищенная поэтическим талантом Поля, Гала написала предисловие к этому сборнику — всего четырнадцать строчек, по числу стихов в сборнике.

Наверное, любовь к Полю было самым чистым и всепоглощающим чувством в жизни Гала. Через много лет, когда она уже была женой Дали, Гала не раз отправлялась в Швейцарские Альпы, когда ее охватывала тоска, словно ловила в чистом горном воздухе отзвуки былой страсти. Ее случайными спутниками были молодые инструкторы по лыжам, но как знать, возможно, мысленно она была с Полем, как в те далекие благословенные времена… А может, и нет — в своем стремлении идти вперед она не привязывалась к прошлому.

Предисловие Гала к сборнику «Диалоги бесполезных людей»

«Не следует удивляться, что женщина, более того, незнакомка представляет читателю эту книгу.

Автор был знаком со мною какое-то время, и наоборот.

Его работа мне представляется маленьким шедевром, необыкновенным проявлением души, довольно неплохо развившейся, если можно так сказать.

На этих страницах можно все найти и, следовательно, все искать.

В рифмованной форме представлены факты, которые вряд ли были поэтичными.

Я благодарю автора за чудесное ощущение, доставленное этим художественным произведением».

«Гала подписала этот прелестный наивный текст загадочным

именем: *Reine* (по-французски — королева. — *Авт.*) *de Paleuglnn*, — сообщает биограф Гала, французская журналистка и писательница Доминик Бона. — *Reine* — как имя? Или *Reine* — как королева сердца? Что касается фамилии, то можно смело выбрать любую из существующих интерпретаций — их предостаточно. Для одних — это анаграмма из Поль-Эжен Грендель (*Paul-Eugene Grindel*), для других — это анаграмма из *A PEG un rien d'Ellen*: „Полю-Эжену Гренделю ничего от Элен", (Элен — английская версия второго имени Гала, Елена). В любом случае это криптограмма, зашифрованная подпись, которая ни о чем не говорит. Поль и Гала тайно связали свои имена».

Поль посвятил свой сборник «Той, которая…». Теперь влюбленные уже не боялись смерти. Под воздействием любви — или поэзии? — они вылечились от страшного недуга. Над ними навис другой дамоклов меч, который страшил их куда больше, — неизбежная разлука…

Глава вторая. Муза поэта

«Твой навеки»

«В один прекрасный день, моя девочка, станет совершенно очевидным, что вся моя жизнь — и сверх того, все, что я думал, говорил, делал, — зависела от тебя, ты отвечаешь в ней за все, в самом деле отвечаешь. Твой навеки».

(Из письма Поля Элюара Гала через несколько лет после расставания)

Бои местного значения

…Гала, похоже, надолго заперлась дома, отказываясь выходить. Ни театры, которые она раньше любила, ни балет, ни светские вечера не привлекали девушку, оказавшуюся в разлуке с любимым. Она постоянно мерила температуру, ее лихорадило. Все мысли были только о Поле. Она все время прокручивала в памяти картинки их любви. Перед глазами, словно в кино, проплывали самые яркие эпизоды жизни в Клаваделе. Нежность и умиление вызывали у Гала воспоминания о том милом имени, которым называли ее Поля родители. Чем больше проходило времени со дня их разлуки, тем больше Гала погружалась в воспоминания о любимом и тем сильнее тосковала по нему. Каждый день она писала Полю письма, иногда по два сразу, и не скупилась в них на ласку. «Дорогой мой, — писала она ему по-русски латинскими буквами, — мой дорогой возлюбленный, душенька моя, мой дорогой мальчик. …Мой самый единственный мальчик, только мой и навсегда…» В этом письме она еще называет Поля Эженом. Имя Поль остается секретом поэта и любящей его музы, которая, предвосхищая события и надеясь на их счастливый исход, подписывала свои письма так: «Твоя жена навсегда».

Они расстались с Полем на перроне вокзала в Давосе в апреле 1914 года. Курс лечения закончился, каждый возвращался в свою семью: Гала в Москву, Поль — во французскую столицу. Мадам Грендель приехала к сыну, чтобы помочь ему собрать багаж; Гала же отправлялась домой по-прежнему в одиночестве. После года, проведенного вместе, Гала и Поль осознали, насколько сильно они любят друг друга. Не только огромное расстояние теперь разделяло их — началась Первая мировая война, но, к счастью, Россия и Франция были союзниками.

И Гала, и Поль мечтали о скорой встрече в Париже. Влюбленные считали себя помолвленными и договорились, что Поль пока будет работать в фирме отца по продаже недвижимости, а потом, когда он сможет зарабатывать на жизнь поэтическим трудом, они обязательно поженятся. Гала поставила себе цель приехать во французскую столицу во что бы то ни стало, несмотря ни на какие препятствия, включая войну. Она готова была подвергнуть себя смертельной опасности, лишь бы встретиться с любимым.

В семье Дьяконовых не хотели и слышать о том, чтобы Гала уехала, как не хотели слышать в семье Гренделей о приезде «русской девочки Гала». Особенно сопротивлялись отцы семейств.

Димитрий Ильич Гомберг возмущался и злился, но Гала не так-то просто было заставить отказаться от своих планов. Настойчивая, упорная, она стремилась добиться своего любой ценой. Если ей возражали, она замыкалась в себе, и на ее лице появлялось выражение упрямства и ожесточенности. Правда, Димитрий Ильич был слишком либерально настроен, чтобы обнаружить в семейной жизни качества тирана. А вот отец Поля, Клеман Грендель, возражал категорически. Он претендовал на безоговорочное командование в семье и не позволял себя разжалобить. Ему совершенно не хотелось заниматься иностранкой. Что за абсурдная идея — пригласить Гала в Париж? Сыну что — парижанок мало? Ведь девушку придется содержать, нести за нее ответственность, а это в планы отца, призванного на фронт, не входило. Да и Полю, не успевшему войти в тонкости дела отца, пришлось стать солдатом. Но пока не на передовой — слабое здоровье подвело и одновременно спасло поэта. Он не выдержал перегрузок и плохого питания и весь 1915 год и начало 1916-го провел в госпиталях, страдая от бронхита, мигреней, болей в животе и упадка сил.

«Я не понимаю, зачем сейчас обсуждать вопрос об этой русской девочке», — с возмущением писал ему отец. «Мы не в состоянии ничего сделать», — раздраженно добавлял он, уверенный, что в сложившейся обстановке говорить о помолвке по меньшей мере несвоевременно. «Я не хотел бы, чтобы она оставалась у нас», — заявлял он своему «малышу Жежену». Пригласить к себе девушку из далекой страны значило безоговорочно принять ее, а тут и до женитьбы недалеко. Но зачем Полю сейчас жениться, да еще на русской, к тому же не совсем здоровой? Он еще слишком молод! Отец не собирался сдавать свои позиции в этом вопросе. «Ты достаточно устала с начала войны, — пишет он жене, — для того, чтобы добавить ко всем нашим моральным, физическим и финансовым тяготам еще одну. В настоящий момент это невозможно».

Однако влюбленные вовсю пытались настоять на своем. Поль забрасывал отца письмами и в каждом из них писал о Гала, часто не напрямую, но довольно прозрачно: «Папочка, я скучаю, но я постоянно думаю о тебе, о маме и еще о ком-то, кого ты хорошо знаешь и кто тоже имеет причины скучать, потому что тоже любит и ждет… Сейчас я очень часто и регулярно получаю письма из России». «Малыш Жежен», несмотря на отцовские возражения, не собирался забывать свою любимую девушку. А та не спала ночей в тревоге за жизнь Поля. Больше всего она опасалась, что его отправят на фронт, и, как это ни парадоксально, была даже рада тому, что он болен, так же как и мать Поля. Поль же, с одной

стороны, боялся войны, а с другой — был готов идти защищать Францию. «Война приводит меня в отчаяние», — писал Поль матери из госпиталя, но у него вызывало огорчение то, что он не может сражаться на передовой, как другие мужчины, и отсиживается в тылу. Из-за слабого здоровья — Поль не мог переносить голод и лишения — его отправили работать санитаром в госпиталях на места сражения на реке Сомм, где он помогал делать перевязки, ухаживал за ранеными и, как человек, владеющий пером, выполнял, пожалуй, самую тяжелую обязанность: в письмах сообщал родственникам о погибших. Таких писем приходилось писать до пятидесяти в день.

«Я не могу без тебя жить…»

«Я все делаю для тебя, я все всегда буду делать, — писала Гала Полю в ноябре 1916 года, когда наконец родители разрешили ей приехать в Париж. — Я не могу без тебя жить, мне не хватает тебя, как чего-то абсолютно необходимого, как чего-то незаменимого…»

Ничего, ничего, кроме любви

На фронтах Первой мировой войны кипели сражения, и в семьях Гала и Поля тоже велись изматывающие бои — за право быть вместе, как они договорились перед расставанием в Клаваделе. Братья Гала подсмеивались над ней, мать переживала и нервничала, отчим был вне себя от гнева… Отдает ли дочь себе отчет в том, что за два года Поль мог измениться и ее встретит совсем незнакомый и не близкий ей человек, говорящий к тому же на чужом языке и придерживающийся чужих обычаев и культуры? Письма — это хорошо, но ничто не может заменить живого общения. А вдруг Поль разлюбил ее? Но Гала даже не думала об этом, охваченная страстью, которая еще больше подогрелась разлукой.

Наконец родителям Гала все же, под неимоверным давлением дочери, которая прибегала даже к голодовке, пришлось уступить: летом 1916 года ей разрешили ехать в Париж за обещание в совершенстве выучить французский и записаться в Сорбонну для продолжения образования. Удалось же ее подруге Марине Цветаевой еще перед войной одной съездить во французскую столицу! Получилось и у нее! Гала была не из тех людей, кто отказывается от своих планов и предает свои мечты. Одной из основных черт ее характера было упрямство, и если она загоралась какой-нибудь идеей, то делала все, чтобы воплотить ее в жизнь.

Радость, смятение, страх — противоречивые чувства владели душой Гала, когда она собиралась в дорогу, полную опасностей: ей предстояло держать путь через всю Европу, залитую кровью. Но зато в волшебное место, в сказочный Париж, город поэтов и влюбленных, о котором она столько мечтала и где она после двух лет разлуки и ежедневной переписки наконец-то увидит своего любимого! В это даже поначалу не верилось… Она понимала, что в пути ее может настигнуть смерть, но и это не останавливало решительную девушку с твердым характером, какой была Гала. Ехать через воюющую против России Германию и союзницу Германии Турцию было нельзя. Путь Гала лежал через Хельсинки (российская провинция не была охвачена войной) в нейтральную Швецию, оттуда в Лондон, а там уже в Париж. На этот раз Гала сопровождала служанка Жюстина — в связи с военными действиями она возвращалась на родину. Но что могли сделать две слабые женщины — юная и пожилая — перед лицом грозящих им опасностей!

Гранд-опера, Париж, 1920-е гг.

На парижском вокзале отважную, чудом преодолевшую все препятствия Гала встретила мадам Грендель, а Поля отпустили в увольнительную чуть позже. Поначалу предполагалось снять для Гала комнату в пансионе для дам, но, поскольку Поль отсутствовал, мадам Грендель, с которой Гала удалось подружиться благодаря письмам — «Дорогая мадам, может, я поступаю слишком наивно, потому что, не зная Вас достаточно хорошо, прошу Вас успокоить меня, развеять мои сомнения!», — предоставила ей комнату сына в их квартире на улице Ордене. Гала интуитивно выбрала верную тактику — не настраивать Поля против его матери и не сталкивать их обеих в сердце любящего сына и жениха, а сблизиться с мадам Грендель. В результате мать Поля сменила гнев и раздражение на милость, признала право Гала на чувства сына и стала даже с некоторой лаской в голосе называть ее «этой маленькой русской». Гала поняла главное. «Твоя мать влюблена в тебя», — говорила она Полю и, призвав на помощь всю свою нежность, постаралась стать не соперницей, а союзницей, что ей удалось благодаря умению находить путь к чувствам других людей. Материнские чувства к Полю смешались в сердцах обеих женщин с чувством любви, и никто не остался страдающим. Ревность испарилась, уступив место взаимной заботе.

…Мадам Грендель диктовала, Гала усердно записывала. Домашняя идиллия! В ожидании Поля его мать устраивала Гала

диктанты, чтобы помочь ей усовершенствовать свой французский. Речь Гала, несмотря на некоторые ошибки, была беглой, выразительной и музыкальной. Ей доставляло удовольствие погружаться в родной язык своего любимого, и она еще записалась на курсы французского языка и рисования в Бурже, куда ездила на поезде. В свободное время, если она не писала Полю и своим родным в Россию, Гала немного помогала мадам Грендель по хозяйству. Комната Поля, в которой она жила, была более тесной, чем комната Гала в Москве, а сама квартира — мрачноватой, с темными коридорами, с печным отоплением и самыми примитивными удобствами: умываться можно было только в раковине на кухне, ванная комната отсутствовала. Временами с лестничной клетки в квартиру доносились запахи кухни и пищевых отходов, но Гала это не смущало.

Наконец Полю дали увольнение на неделю, и Гала встретила его на вокзале вместе с мадам Грендель. Счастью влюбленных не было предела. Они сжимали друг друга в объятиях так, словно вернулись с того света. Стали ли они близки в этот приезд Поля? Скорее всего, нет — Гала хранила девственность до венчания, таково было ее условие, — хотя Поль был смущен неистовым темпераментом и изобретательностью Гала в ласках. В сомнениях, был ли кто-то у Гала до него, он отправился обратно на фронт и задал ей этот вопрос в первом же письме. В ответ Гала писала Полю: «Никогда не думай плохо о наших прошлых ласках. Презирай меня и оскорбляй меня, но не мою любовь… Если я делаю с тобой абсолютно все — даже „странные вещи“, — это лишь потому, что уверена: раз я люблю тебя, то все это чисто, красиво и правильно». Да, она, может, еще и девственница, но ей уже знакомы любовные игры. «Я целую тебя в рот и везде», — беспрестанно повторяет она. Или: «Я целую тебя везде». Она признается ему, что обладает «качествами путаны». Она говорит ему, что любит любовь, но заявляет, что «никогда не целовала ни одного мужчину, презирала их всех, смеялась над их проявлением нежности». «Если я и давала им руку, — уверяла Гала, — то лишь для того, чтобы они оставили меня в покое, и они это прекрасно понимали». «Я с тобой абсолютно искренна, у меня нет никаких задних мыслей, — добавляла она. — А если ты хочешь поговорить на ту тему, которую мы уже обсуждали, что ж, я соглашусь, хотя это и тяжело для меня (видишь, какая я стала послушная после твоих упреков!). Не стоит слишком часто к этому прибегать, это опасно. В Клаваделе я очень переживала по этому поводу и все думала, порок это или нет. За эти два года я многое поняла. Ты должен знать, что нельзя переходить границу до того, как мы получим благословение церкви и Бога».

Оказавшись в Париже, но все еще находясь в разлуке с Полем, который из госпиталя, где работал, рвался на фронт, движимый чувством долга и справедливости, Гала продолжает забрасывать любимого письмами. Она пишет каждый день, иногда по несколько писем сразу, умоляя его подумать об их любви и не подвергать свою жизнь смертельной опасности на фронте. Как уговорить его во имя любви отказаться от опасной идеи, завладевшей его существом? Она прекрасно понимает, что, если с Полем что-то случится, она может этого не пережить. Надо спасти и жизнь Поля, и свою жизнь, так неразрывно связанную с любимым. В любви Гала относится к Полю как к сыну, как к маленькому мальчику и пытается им руководить. Ей нравится, чтобы мужчины ей подчинялись, не оспаривали ее решений королевы любви, обожали ее и склонялись перед величием ее красоты, ума и веры в будущее. И Гала берется за перо…

«Я не могу жить без тебя! Я прекрасно знаю, что не смогу без тебя жить. Вот почему я прошу тебя беречь свою жизнь. Моя жизнь неразрывно связана с твоею» (25 ноября 1916 года).

«Хорошо делай перевязки, ты нежный, добрый и способный, ты принесешь несчастным больше пользы на своем месте, чем в страшных окопах. Не перечь мне» (второе письмо от 25 ноября).

О будущем она всегда думает оптимистично, ее любимое прилагательное, характеризующее завтрашний день, — «чудесный».

«Если хочешь, рискуй моей жизнью, но не своей, потому что умереть не так ужасно (я не сгущаю краски, просто говорю правду), как жить без тебя. … Делай все, что от тебя зависит, чтобы остаться в госпитале и не идти под огонь, в окопы. Уверяю тебя: еще год — и война закончится. Нужно употребить все усилия, чтобы суметь выйти живым из этого кошмара. И потом ты никогда не пожалеешь о прожитой жизни, никогда, обещаю тебе, потому что нас ждет слава и жизнь наша будет чудесной… Береги себя, береги свою жизнь. Она более чем драгоценна, более чем дорога, она — все для меня. Она — это я сама, меня не будет без тебя» (26 ноября).

Гала заклинает Поля всей своей любовью. Чувствуя, что он перестает ей подчиняться, она угрожает тем, что вернется обратно домой в Россию и пойдет на фронт сестрой милосердия. Впервые ее нежный, хрупкий мальчик выходит из-под ее власти, спорит с ней, выдвигает свои аргументы, что для нее непереносимо. Гала в отчаянии. «Я люблю только тебя, — пишет она Полю в очередном письме. — У меня нет ничего, ничего, кроме любви. Это ужасно. Вот почему если я потеряю тебя, то потеряю себя саму тоже, я уже не буду больше Гала — я буду

бедной женщиной, каких существует многие тысячи». Она признается Полю в том, что вдали от него она теряет себя, перестает быть сама собой: «Когда ты рядом, я чувствую себя сильной, уверенной в своих мыслях и поступках. В разлуке с тобой я становлюсь страдающей вещью. Исчезает моя светлая душааааааа (именно так написано у Гала! — *Авт.*), и вместо нее остается черная или мрачная дыра».

Гала не может находиться в одиночестве, вдали от любимого человека, она очень страдает в разлуке, а любовь буквально преображает ее. «Ты уезжаешь, и я становлюсь ненормальной, вялой, старой, — пишет она. — Томительное, безутешное беспокойство и полное уныние». Гала, грандиозная натура, о глубинах души которой можно только догадываться, вянет без любви. Любовь — ее главная сила и ее самая большая слабость.

Любимые духи Гала

Едва приехав во французскую столицу, Гала начала ходить по магазинам, где продавались «разные приятные мелочи». Поль находится в Аржинкуре, в нескольких километрах от кровопролитных боев, а Гала сообщает ему в письме о покупке своих любимых духов «Blanc de Coty». Она признается, что способна на них разориться; «так как я очень порочна, я люблю духи», пишет она о себе, что не может не вызвать улыбку. Но Гала обещает, что начнет пользоваться этими духами, только когда вернется Поль. «Обещаю тебе, — пишет она, — не трогать их до того, как ты будешь здесь, и — ты увидишь, — флакон будет полным».

Принцесса на горошине

Гала как-то призналась Полю, что мать называла ее принцессой на горошине, потому что она в основном занималась только собой. В парижской квартире в ожидании жениха Гала читала, вязала, шила. К одному из писем она даже прикрепила образчики тканей, из которых сшила себе наряды, и нарисовала их эскизы — черное платье, розовая блузка, жилет в русском стиле золотого цвета, на зеленой подкладке, отороченный мехом. Стирка и уборка были не для нее, она не хотела портить свои руки домашней работой, хотя, если служанка Гренделей не появлялась несколько дней, Гала принималась сама наводить порядок. Страсть к чистоте и порядку доходила у нее до маниакальности — и на ней, и вокруг нее все должно было быть безупречно. Она никогда не пренебрегала мелочами и не допускала никакой небрежности ни в уходе за собой — она постоянно холила свое тело, — ни в окружающей обстановке. С одной стороны, строгая и дисциплинированная, с другой — беспечная кокетка — все это уживалось в многогранной натуре Гала.

Необходимость поддерживать домашний очаг, выполнять повседневную рутину не привлекала Гала, ведь она ощущала себя особенной женщиной, и не без оснований. «Я никогда не буду просто домохозяйкой, — говорила она. — Я буду много читать, очень много. Я буду делать все, что захочу, но при этом сохранять привлекательность женщины, которая себя не переутруждает. Я буду, как кокотка, сиять, пахнуть духами и всегда иметь ухоженные руки с наманикюренными ногтями». Когда она тратила несметное количество денег на наряды и духи, она обычно говорила Элюару: «Верь мне: все это, чтобы нравиться тебе!»

Повседневная жизнь казалась ей банальной, далекой от чудесной мечты. Гала часто впадала в меланхолию и страдала от мигреней. Она не проповедовала ни комфорт, ни традиции. Чтобы справиться с тревогой и плохим настроением и немного развлечься, она часто бродила по городу, останавливаясь у нарядных витрин и представляя себе, что бы она сделала с этой мебелью или шляпкой, которые ей понравились. Больше всего она любила отрешиться от будничных забот и погрузиться в свои мечты, в которых она представляла себя женой поэта — особенного человека из магического мира, наделенного властью заставлять ее мечтать…

Страсть к чтению

Кроме духов и красивых платьев, всепоглощающей страстью Гала было чтение. Пока Поль был на войне, Гала прочитала едва ли не все книги из его обширной библиотеки. По поводу каждого автора она имела свое собственное мнение, которым очень дорожила. По ее словам, Жан Мореас «староват и скучен», Эмиль Верхарн — «чем тут восхищаться, есть и получше, чем он», Юг Ребел — «поверхностный и претенциозный», Андре Салмон «больше умен, чем талантлив», Шарль-Луи Филипп — «он не так запутывает, он понятнее и проще, чем Дост» *(так Гала называла своего кумира Достоевского. — Авт.)*, Гюстав Кан — «это меня очень интересует», Гийом Аполлинер — «он нравится мне, и я люблю его все больше».

Замужество

…На венчании Гала Дьяконовой, двадцати двух лет, и Эжена-Эмиля-Поля Гренделя, двадцати одного года, совершившемся 21 февраля 1917 года, присутствовало совсем немного гостей — только близкие родственники. Молодые венчались в церкви Сен-Дени-ля-Шапель, ближайшей к улице Ордене приходской церкви, знаменитой тем, что в ней когда-то молилась Жанна д'Арк. Поль так и хотел скромной, немноголюдной свадьбы. До этого в тот же день брак зарегистрировали в мэрии 18-го округа Парижа на площади Жюль-Жофрен. Невеста была одета в зеленое платье из отливающей черным тафты, с белым кружевным воротничком и манжетами — венчаться в белом платье, когда шла война, было как-то неудобно. А зеленый — цвет весны и надежды на лучшее будущее, которую не могло сломить даже то обстоятельство, что через три дня Поль вновь возвращался на войну.

Первую брачную ночь молодожены провели в отеле, чтобы не стеснять родителей и чтобы родители не стесняли их. Наконец-то Гала принадлежала Полю полностью! В комнате Поля по его просьбе мадам Грендель поставила для молодых супругов широкую и удобную деревенскую кровать. Поль был уверен, что на этой кровати они с Гала будут жить вместе и вместе состарятся. Но все оказалось совсем не так… Гала состарилась совсем в другом месте…

Чтобы венчаться с Полем — а для Гала это было очень серьезно и жизненно важно, — Гала перешла в католичество. «Для меня, — заявляла Гала, — все равно, кем быть — католичкой или православной, лишь бы я оставалась верующей». Она была очень религиозной и никогда не отделяла свои чувства от Божественной власти. «Я действительно глубоко верующий человек», — писала она Полю в письме от 22 декабря 1916 года. И в том же письме Гала замечала: «Начало нашей совместной жизни является для меня очень серьезным событием. Я хочу, чтобы Бог благословил нашу любовь… Ничего не надо делать до Божественного благословения в церкви». Приехать во Францию ей помогла православная вера и молитвы православным святым. Но из любви к Полю, чтобы быть к нему ближе, она сменила веру. «Я считаю, что Бог есть везде, во всех религиях, — говорила она. — Молиться можно и Богу католиков, и Богу краснокожего или чернокожего дикаря». И все же ее не оставляли сомнения в правильности сделанного ею шага. «Я хочу с тобой посоветоваться: как ты думаешь, не грех ли это — поменять веру? — писала Гала Полю. — Я-то думаю, что Бог присутствует в

любой вере, но если я ее меняю так легко ради тебя, ради мужчины, не предаю ли я этим Бога? Это трудно объяснить, это такие же глубоко личные вещи, как и стихи. Не знаю, поймешь ли ты меня. Я считаю, что никто не имеет права менять свою веру, это грех. Никто не должен менять свою веру — ни иудей, ни католик, ни православный. Но в то же время я верю, что наш Бог Един для всего мира. Если ты меня понимаешь, помоги мне. Если ты думаешь, что это не грех, я хочу быть католичкой, чтобы обвенчаться с тобой».

«Мой Бог всегда Один, Единственный в мире», — говорила Гала. Она неустанно взывает к верховным силам, и они всегда помогают и поддерживают ее. Гала настояла, чтобы Поль продолжал изучать катехизис и причастился, чем вызвала возмущение Клемана Гренделя, но это ее не напугало. Она оставалась верна своей совести и своей вере в Божественные силы. Иконы, которые она привезла из России, поддерживали в ней Божественный огонь и веру, лежавшую в основе ее глубокой и разносторонней личности. «Я действительно глубоко верую, — писала она Полю. — Вот почему (это единственная причина) я настаиваю на венчании».

Рождение дочери

10 мая 1918 года в деревне Бре-и-Лю, с заливными лугами и коровами, куда отправили беременную Гала подальше от бомбардировок немцами Парижа, у Гала и Поля родилась дочь, названная молодым отцом нежно и ласково — Сесиль. Правда, Гала предпочитала, чтобы у нее родился сын, которого она назвала бы Пьером. Вдохновленный рождением прекрасного ребенка, которого ему подарила любимая женщина, Поль пишет стихи:

Младенец,
Тяжелый, как все, что лежит на моих коленях,
Слушай:
Я тебя люблю.

У Гала же не проснулось никаких материнских чувств по отношению к новорожденной дочери. Покормив ее грудью всего несколько недель и оставив дочь в деревне на попечении родственницы, Гала вернулась в Париж, чтобы видеться с Полем, которого перевели поближе к семье. Она по-прежнему жила только любовью к Полю. К нему одному. И в этой любви она обретала саму себя и смысл своей жизни. Сесиль всю жизнь будет не хватать внимания матери и материнской ласки, но Гала это совершенно не волновало. Поль обожал дочь, а вот Гала ребенок скорее мешал. Позже она оставит дочь на попечение ее французской бабушке, а когда Сесиль приедет к Гала в Испанию, просто захлопнет дверь перед ее носом…

Между тем чувствовалось, что война подходила к концу. Поля, окончательно переведенного в тыл, стало вновь посещать вдохновение. В июле 1918 года на голубом, сложенном вдвое листке он напечатал одиннадцать «Стихов во славу мира». Конечно же он мечтает о Гала, о дочери, о воссоединении семьи, о счастливой мирной жизни вместе с любимой женой:

Великолепная, с высокой крепкой грудью,
Жена моя, святыня, лучше, чем когда-то,
Когда я с тем, и с тем, и с тем, и с тем
Несли винтовку и манерку — нашу жизнь.

Поль подписал эти стихи именем Элюар, так же как и другие.

Как долго мне было лицо ни к чему,
И вот наконец
Лицо пригодилось для нашей любви,
Лицо пригодилось для нашего счастья.

«Война заканчивается, — пишет поэт своему другу 9 ноября 1918 года. — Нам предстоит сражаться за Счастье после сражения за Жизнь». Поля демобилизовали к годовщине рождения дочери — 10 мая 1919 года. Из жизни молодых людей было выброшено пять лет…

Муза с севера

Гала всегда любила быть непохожей, оригинальной, всегда хотела выделиться из толпы. Она сама строила свою судьбу, прокладывала свой жизненный путь к вершинам славы и на этом пути выстраивала прежде всего судьбу своих мужей, спутников жизни, и в этом состояла ее оригинальность, неповторимость. Чего стоит только ее единственное в мире имя — Гала! Она предпочитала быть музой, и действительно, вдохновленный ею, Поль Элюар стал одним из лучших поэтов Франции. Без Гала, без ее постоянной поддержки и веры Элюар никогда не достиг бы мировой славы. Ведь первый шаг к известности за него сделала именно она, заставив стеснительного юношу отправить свои стихи в издательство. Но робость Элюара не шла ни в какое сравнение с комплексами Сальвадора Дали, которому Гала дала сразу все. Муза, жена, возлюбленная, нянька, секретарь, менеджер… Этой уникальной женщине, русской нимфе, легко покорявшей сердца знаменитостей, удавалось сочетать в себе эти столь разные и непростые роли. Поль обожал Гала. Он восхищался ее телом и очень любил показывать фотографии обнаженной Гала своим друзьям, подчеркивая, что именно ему принадлежит эта божественная красота.

После войны Поль Элюар сблизился с кругом поэтов и художников, в который входили Жан Полан, открывший Элюару путь к широким горизонтам, Тристан Тцара, Андре Бретон, Луи Арагон и Макс Эрнст. Вместе с ними Элюар основал модернистское течение «дадаизм», позднее слившееся с сюрреализмом. Гала была единственной женщиной, допускавшейся на собрания друзей и коллег Элюара, к ее мнению прислушивались, хотя вначале ее присутствие не вызывало энтузиазма, и раздраженный ее навязчивостью Филипп Супо называл ее чуть ли не шлюхой. Поэтов раздражало ее настойчивое желание затесаться в их мужскую компанию, ведь поэзия — это мужское дело, а женственность Гала их обескураживала. Защищаясь, Гала говорила Полю, что они в нее влюблены, и он верил…

Гала участвует в спектакле

27 марта 1920 года Поль Элюар в Доме творчества в Париже в первый раз поднялся на сцену вместе с Гала,

которая играла нищенку. Она подавала ему реплику в комедии «Пожалуйста», написанной Бретоном и Супо.

— Бывало ли, что вечером, месье,

Остерегались вы бродячих нищих? — шептала Гала со своим русским акцентом, прежде чем уйти за кулисы…

«Я люблю Макса Эрнста больше, чем Гала»

…4 ноября 1921 года Поль Элюар, сопровождаемый Гала, позвонил в дверь мастерской художника Макса Эрнста, признанного мастера коллажа, в Кёльне. Дверь открыл хозяин, называвший себя Дадамакс, — высокий блондин с голубыми глазами, больше похожий на спортсмена, чем на художника. Его худое лицо выглядело мужественно и одновременно лукаво. Ему было тридцать лет. После войны Макс женился на молодой немке Луиз, которую называли Лу или иногда Розой. У них был маленький сын Ульрих. Отец переименовал его в Джимми и дал прозвище Минимакс. Взаимная симпатия возникла сразу, едва гости переступили порог дома, хотя Поль Элюар, искренний, медлительный, обходительный, являл собой полную противоположность Максу Эрнсту, порвавшему с обществом и бунтующему против него.

Эрнст прослыл возмутителем спокойствия, что дало повод отказывать ему в визах на выезд из Германии и подвергать цензуре все, чем он занимался. У Поля и Гала перехватило дыхание, когда они взглянули на его работы, — настолько его живопись была смелой, антиклассической по сути и попирающей все нормы. Элюар был первым, кто оценил картины Эрнста по достоинству, признав художника гениальным.

Если мужчины с самого начала подружились, их многое сближало, и прежде всего то, что они оба были солдатами Первой мировой войны, более того, им хватило недели, проведенной вместе, чтобы назвать друг друга братьями (Элюар писал Тристану Тцара, что теперь он не «единственный сын», а Эрнст на обороте той же открытки добавлял, что французский поэт — его «лучший друг и вторая половинка его самого»), то Гала не стремилась подружиться с женой Макса Лу. Она терпеть не могла сплетни и болтовню. Все, что напоминало о традиционных женских занятиях — а Лу была хорошей хозяйкой и заботливой матерью, — вызывало у Гала отторжение. Дикая и эгоистичная по своей природе, вся во власти артистических мечтаний, она всюду следовала за Полем, любовь к которому до краев заполняла ее жизнь, а значит, и за Максом. Они беседовали до глубокой ночи, читали стихи, посещали выставки.

Поль писал, Макс делал рисунки к его стихам. В результате их совместного творчества родилась книга «Повторения», а Эрнст написал еще и портрет Элюара на стекле с подложкой из алюминия, и портрет Гала с обнаженной грудью. Лу оставалась роль сторонней наблюдательницы, печальной и бесполезной

свидетельницы событий, она отошла на второй план и чувствовала себя лишней. Она могла лишь с горечью констатировать, что Гала очаровала ее мужа… Не мог не видеть этого и Элюар, но, кажется, он был не против… Так началась эта необычная связь.

Когда супруги вернулись домой в Париж, Макс Эрнст записал: «Как только двое Элюаров уехали, двое Эрнстов впали в детство». Он сам не знал, кого ему больше не хватало — Поля или Гала. А может быть, обоих сразу…

Как только в марте 1922 года вышел сборник стихов Элюара «Повторения», над которым они работали вместе с Эрнстом, поэт поспешил в Кёльн, чтобы вручить «брату» новую книгу. Открывало сборник стихотворение «Макс Эрнст»:

В одном углу проворный инцест
Вертится вокруг непорочности платьица,
В другом углу небо разродившееся
Колючей бурей бросает белые снежки…

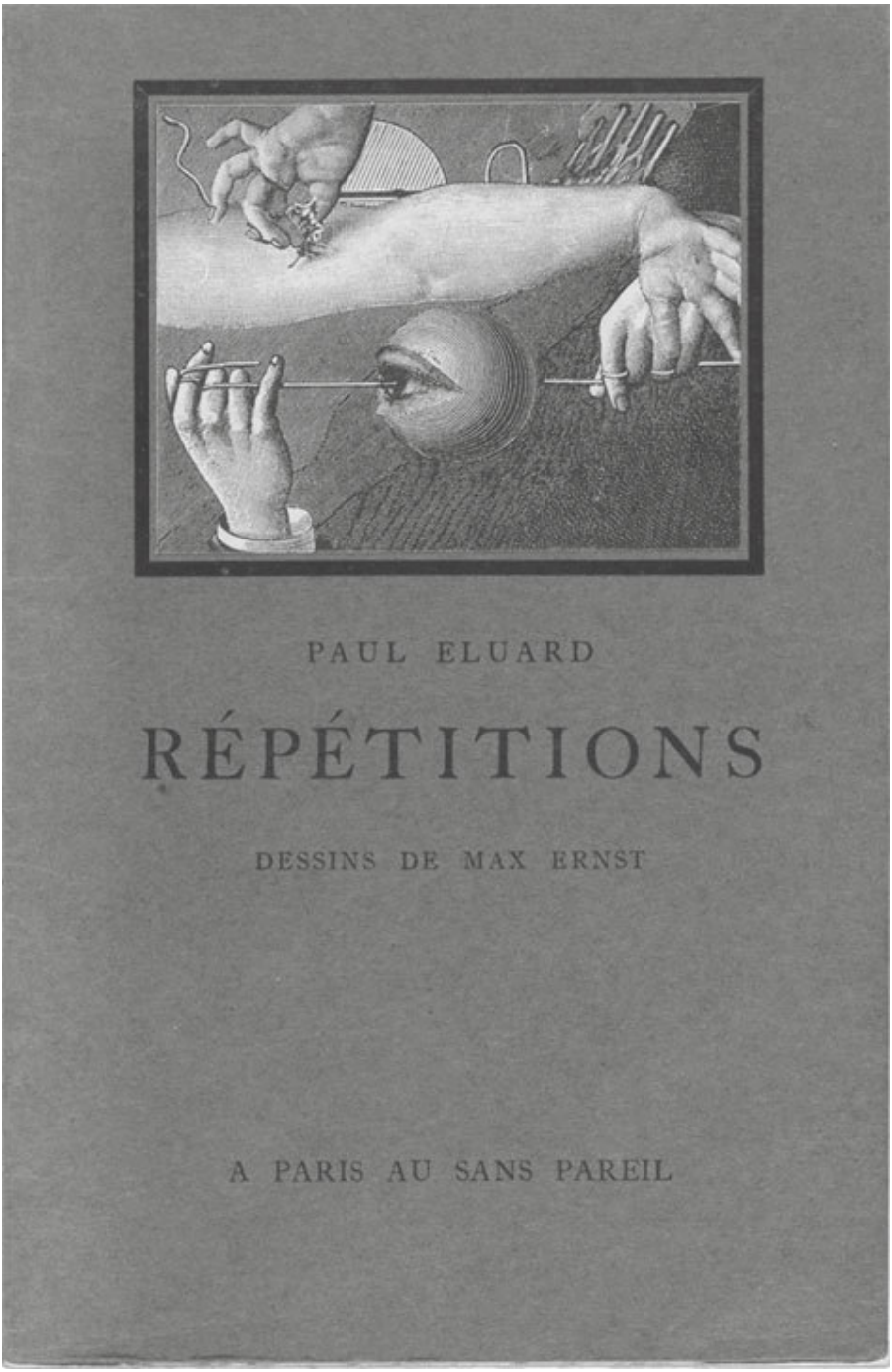
Лето решено было провести вместе, с женами и друзьями, в Торенце-на-Имсте, где Эрнсты заняли квартиру, а Элюары сняли домик на берегу озера. Через несколько дней Макс Эрнст, оставив жену и сына, перебрался в домик Элюаров. Он и Гала перестали скрывать свой роман от окружающих, напротив, они обнимались у всех на виду. Покинутая Лу оставила описание своей соперницы: «Этой русской, гибкой, искрящейся, с темными распущенными волосами и черными, блестящими, немного восточными глазами, узкокостной, изящной, не удалось соединить меня со своим мужем, с тем чтобы завладеть Максом, тогда она решила сохранить обоих мужчин с согласия любящего Элюара».

В сложившейся ситуации Поль вел себя снисходительно и не пытался удерживать Гала. Страдал ли он? Неизвестно. «Вы не знаете, что такое быть женатым на русской женщине! — говорил он и неожиданно признавался: — Я люблю Макса Эрнста намного больше, чем Гала». Друзьям было ясно: Гала не внесет раскол в их союз, Поль и Макс, объединившиеся в своей любви к Гала, не соперники. Элюар смотрел вслед влюбленной парочке, удалявшейся к берегам озера, с любовью… Взгляд же Гала на ситуацию был трагическим. Если Поль ничего не предпринимал, если Лу не осмеливалась устроить сцену ревности, если Макс наслаждался неожиданным счастьем, то Гала плохо переносила свою любовь одновременно к двум мужчинам. Ей бы покладистость и деликатность Поля, смирение Лу, беспечность и

непосредственность Макса… Но она была нервной, вспыльчивой и раздражительной и проявляла тревогу и растерянность.

Серый кардинал

О картинах Макса Эрнста говорили, что «это совсем не то, чем хочется украсить свою гостиную». Свою принадлежность к сюрреализму художник продемонстрировал, написав в 1922 году картину «Встреча друзей», впервые выставленную в Салоне независимых в июле 1923 года. На картине изображен спиритический сеанс группы будущих сюрреалистов и тех, кого они считали своими предшественниками. Сам автор оказался сидящим на коленях у Федора Достоевского. Гала — единственная женщина на этой картине в компании с мастерами сюрреализма и классиками мировой литературы и единственный человек, никогда не занимавшийся искусством. Ее влияние на художников и поэтов было столь велико, что ее называли «серым кардиналом» сюрреалистов. Сила ее женского обаяния была неотразимой, и это позволяло Гала неизменно добиваться всего, что она хотела.



Обложка сборника стихотворений Поля Элюара «Повторения»

Гала не могла сделать свой выбор, хотя обычно отличалась решительностью. Она любила Поля, любила Макса… Любовный треугольник, устраивающий мужчин, говоривших друг о друге

только нежные слова, угнетал ее. «Это занудно, это невыносимо!» — писал Тристан Тцара, упрекая Гала в том, что она «своими драмами на манер Достоевского испортила им всем каникулярный воздух».

Компания в конце августа возвращается домой, а Макс Эрнст, проводив жену с сыном до Кёльна, решает поехать к Элюарам в Париж и жить у них.

Два мужа Гала

К тому времени Поль и Гала переселились из Парижа в пригород, в деревеньку Сен-Бриссу-Форе, где можно было дышать свежим воздухом, более полезным для их больных легких, чем городская атмосфера. С приездом Макса началась странная семейная жизнь, как будто у Гала было два мужа. Брак Гала стал браком втроем. Элюар продолжал работать в конторе своего отца, для чего каждое утро уезжал в Париж, а Гала и Макс проводили время наедине. Присутствие в доме Сесиль, которой исполнилось четыре года, их не смущало. Гала наряжала дочь в пышные юбки и приводила в гостиную. Она не слишком обременяла себя домашним хозяйством, как всегда отдавая предпочтение книгам.

Недавно женившийся Андре Бретон осуждал эту «семью втроем». А Филипп Супо, и раньше не жаловавший Гала, теперь откровенно ее ненавидел за то, что она доводила любящего ее Элюара до отчаяния. В душе Поля поселилась тревога — их отношения в этой странной семье нельзя было назвать безмятежными. Элюар сам загнал себя в ловушку опасной и рискованной иллюзии и не знал, как оттуда выбраться. Хотя он продолжал любить и Макса, и Гала, все же его не покидало чувство, что он становится лишним. Его место рядом с ними — лучшим другом и женой — было неопределенным, он чувствовал себя изгнанным из собственного дома и все чаще оставался после работы в Париже, погружаясь в ночную жизнь, неразлучным спутником которой был алкоголь. Друзья понимали: поэт глубоко несчастен — и сочувствовали ему и проклинали Гала, под каблуком которой находились и Поль, и Макс, которого не смогла вернуть Лу, приехавшая с сыном в Сен-Брис. Поль разрывался между любовью и дружбой и никак не мог сделать свой выбор. Не могла сделать выбор и Гала, из-за нервного напряжения постоянно устраивавшая бурные сцены. Она была встревожена и измучена. В прекрасном настроении оставался только Макс. В то время как Элюар стремился к саморазрушению, Эрнст целыми днями занимался живописью, а Гала, околдовавшая его, часто ему позировала.

Странная жизнь втроем продолжалась, вопреки здравому смыслу. Наваждение подчинило себе людей. Весной Элюары переехали в Обон, в красивый трехэтажный особняк с садом, который купил сыну его отец Клеман Грендель. Максу выделили отдельную комнату, а на третьем этаже вместо игровой комнаты для Сесиль устроили мастерскую для Эрнста. Тот не ограничился пространством мастерской, а самым тщательным образом

расписал все стены, двери и потолки в доме замечательными фресками. Искусство Эрнста захватило весь дом, словно его вдохновляло само место. Расписанный особняк казался Гала волшебным дворцом, наполненным чудесными образами. Это был настоящий дом мечтаний, которые она так любила. Не сравнить с буржуазным интерьером на улице Ордене, который был ей ненавистен. В Обоне гений Макса затмил гений Поля, это было очевидно. Нежный, ностальгический мир Элюара захлестнули грезы и кошмары Эрнста, его космические видения, которые, по словам Луи Арагона, переносили созерцающих их на другие планеты. Фантастические сады, диковинные цветы, синие и зеленые лианы… И над всем пейзажем царила Гала, обнаженная, с животом, открывающим внутренности… Все дело было в ее теле, в божественном теле этой непостижимой женщины, колдуньи, чародейки, соединявшей в себе и силу, и грациозность. Тело Гала неудержимо притягивало к себе, манило и влекло, вдохновляло и воодушевляло. Но это тело все меньше принадлежало Полю…

Проходит еще немного времени, и жизнь втроем становится невыносимой. Поль с каждым днем все больше погружался в депрессию, а Гала раздражало его подавленное состояние. Они зашли в тупик… В период жизни в Обоне Элюар писал стихи редко. Они выдавали его грусть, ведь впервые он почувствовал себя лишенным любви Гала… «Я это хорошо знаю», — написал он в предисловии к поэме «Обнаженность правды»:

У отчаянья крыльев нет,
И у любви их нет,
(…)
Я не двигаюсь,
Я на них не гляжу,
Не говорю им ни слова,
И все-таки я живой,
Потому что моя любовь
И отчаянье живы.

Исчезновение

…В один из весенних дней 1924 года — это произошло 24 марта — Элюар неожиданно исчез из Парижа в неизвестном направлении. «С меня хватит, я уезжаю в путешествие», — написал Поль отцу, единственному, кого он предупредил о своем внезапном отъезде. Он просил не пускать по его следу полицию — иначе он ее обезвредит — и позаботиться о Гала и Сесиль. Но о письме отцу друзья-поэты не знали и терялись в догадках: что произошло с Полем? куда он делся? не покончил ли он самоубийством? Подписанный в печать накануне, 23 марта, сборник стихов Элюара, в предисловии к которому поэт уточнял, что речь идет о его последнем сборнике, красноречиво назывался «Умирать от того, что не умер».

В стихотворении «Не помня зла» Элюар писал:

Слезы в глазах, и на сердце горе,
Постылое горе, унылые слезы,
Живой человек, ничего он не просит,
Печален в тюрьме и печален на воле.
(…)
Смутная тень…
Все несчастья на свете,
А над ними любовь моя
Псом бесприютным.

Гала осталась без денег, с дочерью на руках, в абсолютном одиночестве, потому что от нее отвернулись и родители, и друзья Поля — они не могли простить ей отчаянного шага поэта. Но в несчастье хрупкая и слабая Гала становилась сильной. Она была безразлична к сожалениям и угрызениям совести — эти чувства тянули ее в прошлое, а она жила будущим. Гала сохраняла спокойствие и приняла решение работать — заняться уличной торговлей шейными платками и галстуками, которые для нее расписывал бы Макс Эрнст, продолжавший жить с ней.

Этим планам не суждено было осуществиться — Элюар не выдержал разлуки с любимой женщиной. В мае Поль написал Гала, что он на Таити. Это было весьма символично, ведь именно на острова Французской Полинезии бежал другой знаменитый соотечественник Элюара — художник Поль Гоген. Как ни пытался поэт забыть свою жену и музу в обществе экзотических таитянок, он не смог этого сделать и просил ее приехать к нему. «Только ты

мне дорога, я люблю только тебя, — писал Элюар Гала. — Я никогда никого, кроме тебя, не любил. Я ничего другого не люблю. Я целую тебя всюду. Я думал только о тебе каждую минуту твоего отсутствия».

«Элюар исчез с понедельника»

> Симона Бретон, жена Андре Бретона, так описывала событие в письме к своей кузине Дениз: «Элюар исчез с понедельника. Он взял с собой семнадцать тысяч франков и угрожал в письме отцу, что убьет первого, кто будет его искать. Желание уехать росло в нем с каждым днем, особенно в последний период, когда он проводил время в кабаках с Нолем и Арагоном, соря деньгами, пьяный, боясь отправиться спать к себе домой, одинокий. Он уехал. Андре говорит, что никогда его больше не увидит».

Макс Эрнст решил поехать к Полю с Гала. После четырех месяцев разлуки они встретились в Сайгоне, в отеле «Казино». Ни Поль, ни Гала никогда не будут рассказывать об этом путешествии, которое Элюар назвал «идиотским». Они постараются об этом забыть. Мучительный треугольник, просуществовавший два года, распался: Макс удалился в одиночестве, а супруги воссоединились под индокитайским небом. Возвращение поэта в Париж не вызвало никаких волнений, а вот возвращение Гала еще больше усугубило всеобщее недоверие и антипатию к ней. Симона Бретон признавалась, что испытывает отвращение к Гала из-за ее лживого поведения на момент отъезда Элюара. Ей не могли простить безнадежного молчания, являвшегося доказательством непримиримого и независимого характера, что очень раздражало друзей Поля. Поэт Виктор Крастр, наблюдавший за Гала со стороны, так отзывался о ней: «Казалось, что эта худая славянка с пламенными глазами одержима какой-то невероятной силой (силой зла?), было что-то колдовское в ней, в молодой и очаровательной колдунье, от нее исходило колдовство и угроза бросить яблоко раздора в группу».

С возвращением в добропорядочную Францию в семье Элюаров воцарилось спокойствие. Но, увы, ненадолго…

Единственная

Гала вышла из тройственного романа огорченной и опустошенной. Что-то померкло и надорвалось в ее отношении к Полю. Он больше не возбуждал в ней желания мечтать. Гала не могла скрывать свою неуравновешенность и безразличие. Замужество уже ничего ей не давало. Гала стала отдаляться и искать развлечений — после истории с Эрнстом с привычкой к верности было покончено. А для Поля она продолжала оставаться единственной, несмотря на то что у него были другие женщины, и он, проповедовавший свободу в браке и флиртовавший в свое удовольствие, этого не скрывал. Но это были лишь мимолетные увлечения, случайные, не остающиеся в памяти. «Другие, видишь ли, другие…» — писал он Гала, напоминая о своих изменах, не являвшихся таковыми в его глазах. «Я обожаю тебя, ничего настоящего у меня с другими никогда не будет», — не уставал повторять он ей. «У меня их выше головы», «плевать мне на других», «меня мутит от всех них, я хочу только тебя»… «Я обожаю тебя наравне со светом, которым ты являешься, отсутствующим светом. Все остальное только, чтобы скоротать время. Ты моя настоящая Реальность, моя Вечность», — признавался Поль Гала. Он, грустный и проницательный, благородный и снисходительный, смиренно принимал ее отдаление, даже не пытаясь что-либо изменить и предоставляя ей полную свободу. «Пользуйся свободой, — писал он Гала. — Свободой всегда нужно злоупотреблять». Поль не хотел верить в окончательное расставание…

После смерти отца в 1927 году Элюар стал миллионером, но жить беззаботной жизнью, погрузившись в творчество, ему помешала обострившаяся болезнь. В пансионе в Ароза он провел полтора года, с ноября 1927-го по март 1929-го, лишь на месяц отлучившись в Париж. Гала совсем немного пробыла с ним, ведь ей было не по нраву спокойствие и неподвижность курортной жизни, и отправилась путешествовать. Она путешествовала не одна… Чаще всего она любила приезжать в Швейцарию, где прогуливалась в модных роскошных нарядах — теперь она могла себе это позволить. Многие вещи, исполняя ее капризы, покупал ей Поль, знавший ее вкусы и размеры. «Когда ты вернешься, я хочу нарядить тебя превосходно, — писал он ей. — Дай мне размеры, чтобы я мог купить тебе пижаму. Я хочу, чтобы у тебя было все, что можно иметь, все самое красивое».

Поль полностью находился под властным обаянием Гала, которое было непреодолимо и сильно, как наваждение. Он был

убежден, что Гала — та женщина, с которой он будет жить всегда, его жена навечно. «Гала, Гала, Гала, Гала… — заканчивал Поль одно из своих писем. — У меня лишь одно желание: видеть тебя, касаться тебя, целовать тебя, говорить с тобой, восхищаться тобой, ласкать тебя, обожать тебя, смотреть на тебя, я люблю тебя, я люблю только тебя, прекраснейшую, и во всех моих женщинах я нахожу лишь тебя — всю Женщину, всю мою такую большую и такую простую любовь».

Поездка в Россию

Пока Поль занимался наследством и лечением, Гала весной 1927 года удалось съездить в Россию, где она побывала в Москве и Ленинграде и повидала семью.

Свой русский адрес, который она оставила Элюару, был написан неразборчиво, но письма Поля хоть и с запозданием, но находили ее. «Я смертельно по тебе соскучился, я жду тебя с безумным нетерпением, возвращайся быстрее, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя», — писал Элюар Гала, отсутствовавшей месяц.

Советская открытка, 1920-е гг.

Элюар любил Гала всю жизнь, ни одна женщина не смогла заменить поэту его жену. Для него существовала только она одна, хотя он сменил нескольких подруг, с которыми был близок, и был после нее дважды женат. Для Элюара Гала навсегда осталась «воплощением любви, воплощением неутолимого желания и эротического наслаждения». Даже на следующий день после официального развода он писал ей: «Ты всегда моя жена, навечно. Утром, просыпаясь, вечером, засыпая, и каждую минуту повторяю твое имя: Гала!»

«К стеклу прильнув лицом как скорбный страж
Ищу тебя за гранью ожидания

За гранью самого себя
Я так тебя люблю что я уже не знаю
Кого из нас двоих здесь нет».

Поль Элюар

Глава третья. Жена гения

Под солнцем Каталонии

…Летом 1929 года молодой художник Сальвадор Дали пригласил к себе на средиземноморское побережье Испании, в рыбацкую деревню Кадакес, своих друзей из Парижа, и среди них Поля Элюара с женой и дочерью. С Элюаром Дали познакомился в Париже, в ночном клубе «Бал Габарин», за несколькими бутылками шампанского. Элюар показался Сальвадору легендарным героем. Он спокойно попивал из своего бокала и разглядывал прекрасных женщин, окружавших компанию. Гала тогда уехала в Швейцарию лечиться в санатории, а с Элюаром была его подруга. На прощание поэт обещал летом приехать в Кадакес и свое слово сдержал.

По дороге в Испанию Элюар с восторгом рассказывал жене о необычном творчестве Дали и о его эпатирующем фильме, созданном вместе с режиссером Луисом Бунюэлем, «Андалузском псе», вызывающим благодаря монтажу ассоциации, полные гротескного абсурда. Именно Дали принадлежала идея шокирующего кадра в этом фильме — разрезание человеческого глаза. «Он не переставал восхищаться своим милым Сальвадором, словно нарочно толкал меня в его объятия, хотя я его даже не видела», — вспоминала впоследствии Гала.

Гала-Градива

Сальвадор Дали часто называл свою музу Гала Градивой. В знаменитой фантастической повести немецкого писателя Вильгельма Йенсена «Градива, фантазия времен Помпеи», написанной в 1903 году, Градива исцеляет героя, молодого археолога Норберта Ганольда. Эту повесть проанализировал знаменитый психоаналитик Зигмунд Фрейд в своей статье «Бред и сны в „Градиве“ В. Йенсена». По этому поводу Дали говорил: «Гала отлучила меня от преступления и излечила от безумия.

Благодарю! Я жажду ее любить! Жениться на ней я был просто обязан.

Симптомы истерии исчезали один за другим, как по мановению руки. Сильный и свежий росток здоровья пробился в моей душе».

Набережная в Кадакесе

Выбравшись из такси в измятом костюме, утомленная долгой дорогой, Гала не понимала, что ей делать в этой деревушке на краю света. Ей сразу стало скучно и жалко себя. Подступало раздражение, подогреваемое жарой. Поначалу Гала приняла Дали за противного и невыносимого типа из-за его прилизанных черных волос, которые придавали ему вид профессионального танцора аргентинского танго. Необычна была и его походка, какая-то подпрыгивающая, и костюм — белые узкие брюки, шелковая рубашка с жабо, длинные бусы, что делало молодого человека женоподобным. А он в ее присутствии чувствовал себя скованно. Элегантная, пресыщенная парижанка мерил а Дали холодным взглядом. Он ей совершенно не понравился. Неужели этот, по-видимому, психически неуравновешенный молодой человек действительно необычайно талантлив? Уж слишком он эксцентричен.

Гала не разделяла восхищения своего мужа молодым каталонцем и, кроме отчуждения, ничего не чувствовала. А Дали вел себя странно, в свою очередь не доверяя Гала. Время от времени от сильного смущения и стеснительности, которые испытывал художник, на него нападали неудержимые приступы истерического хохота… Сальвадору было двадцать пять лет, и он был девственником. Гала, зрелая, опытная женщина, была на десять лет его старше.

«Мне мешала говорить ее кожа, такая близкая ко мне, такая естественная. Кроме болезненной красоты лица, в ней таилось

еще немало элегантности. Я смотрел на ее стройную талию, на победительную походку и говорил себе с некоторой долей эстетического юмора: „У Победы тоже может быть омраченное плохим настроением лицо. Не надо прикасаться к этому“. И все же я захотел прикоснуться к ней, обнять ее, когда Гала взяла меня за руку. Тут подкатил смех, и я стал хохотать, и чем сильнее, тем это было обиднее для нее в данный момент. Но Гала была слишком горда, чтобы обижаться на смех. Сверхчеловеческим усилием она сжала мою руку, а не бросила ее пренебрежительно, как сделала бы любая другая женщина. Ее медиумическая интуиция объяснила ей значение моего смеха, такого необъяснимого для других. Мой смех не был „веселым“, как у всех. Он не был скептическим или легкомысленным, но он был фанатизмом, катаклизмом, пропастью и страхом. И самым ужасающим, самым катастрофическим хохотом я дал ей понять, что бросаю его к ее ногам», — писал Дали в дневнике.

Оживший сон

Дом художника стоял за деревней, на берегу бухты, похожей на полумесяц. Он был выкрашен в белый цвет, перед ним рос эвкалипт и пламенели герани, ярко выделяясь на черном гравии. Наутро, чтобы поразить своих гостей, Сальвадор решил предстать перед ними в экстравагантном виде и насладиться произведенным эффектом — он, как и многие неуверенные в себе люди, любил эпатаж. Художник тщательно подготовился: выкрасил синькой выбритые подмышки, смешал козий помет, рыбий клей и лаванду и этим «благовонием» умастил тело, заложил за ухо цветок красной герани. И вдруг, выглянув в окно перед выходом на пляж, Дали увидел Гала словно новыми глазами. Она показалось ему совершенно неземной. Эпатировать гостей расхотелось. Дали внезапно осознал, что это женщина всей его жизни, снившаяся ему на протяжении многих лет, женщина, о которой он мечтал одинокими ночами. Как он сразу этого не понял? С самого детства в своих снах он часто видел русскую девочку, укутанную в белый мех, мчавшуюся в санях, запряженных тройкой, по блестящему снегу, разлетавшемуся во все стороны…

«Она была уже там. Гала, жена Элюара. Это была она! Галючка Редивива! Я узнал ее по обнаженной спине. Тело у нее было нежное, как у ребенка. Линия плеч — почти совершенной округлости, а мышцы талии, внешне хрупкой, были атлетически напряжены, как у подростка. Зато изгиб поясницы был поистине женственным. Грациозное сочетание стройного, энергичного торса, осиной талии и нежных бедер делало ее еще более желанной», — вспоминал художник. Говорить с нею Сальвадор не мог, зато всячески старался услужить ей: кидался за подушкой, чтобы поудобнее усадить ее на тахте, бежал за стаканом воды… И с несказанным восторгом сто раз на дню помогал переобуть сандалии…

Прогулки по скалам

На следующий день Сальвадор встретился с Гала, и они пошли гулять по скалам у мыса Креус, вдоль голубых морских бухточек. Дали ждал, когда Гала заговорит, но она не знала, с чего начать. На эту встречу с Сальвадором ее направил Поль, как будто специально толкая ее к сближению с молодым каталонцем. Увидев картину Дали «Скорбная игра», Элюар и его друзья-сюрреалисты хотели выяснить, не копрофаг ли Дали или он просто по своему обыкновению эпатирует публику, изобразив на картине экскременты. Гала и Дали шли молча, наконец Гала решилась заговорить и выполнить поручение Поля. «Если эти вещи соответствуют вашему существованию, — сказала она ему, — то я нахожусь с вами в жизненном несогласии, потому что мне в моей жизни это кажется ужасным». Художник поклялся, что он не копрофаг, что это все выражение его тайных подсознательных страхов, и вдруг, как это часто с ним бывало, начал истерически хохотать. Гала остановила его. «Мой мальчик, мы больше никогда не расстанемся», — выждав паузу, неожиданно и твердо произнесла она. Фраза оказалась судьбоносной…

Набережная у мыса Креус, Кадакес

Когда Сальвадор находился в обществе Гала, он не мог отвести от нее взгляда. Он смотрел на нее не только как на притягательную женщину, но как на явление Женщины с большой буквы. Она казалась ему божественной, неизведанной, недоступной, пришедшей из сновиденного Зазеркалья… Как ни странно, ему, робкому и закомплексованному, очень нравилось надменное, гордое, презрительное и высокомерное выражение лица Гала, лишенное дружелюбия. Она и манила его, и

отпугивала. Художник в своем двадцатипятилетнем возрасте еще ни разу не вступал в близкие отношения с женщиной. Ему казалось, что для этого необходима какая-то ужасная физическая сила, которой он не обладал. «До знакомства с Гала, — рассказывал Дали, — я был убежден, что я импотент… К тому же, я прочитал один жутко порнографический роман, в котором какой-то Казанова рассказывал, как, проникая в женщину, он слышал, что она трещала, как арбуз! Я сразу же себе сказал: „Ты, конечно же, не способен заставить женщину трещать, как арбуз“».

Любовь Дали, любовь полубезумца, вспыхнувшая с первого взгляда, не могла быть такой, как у других. Их прогулки с Гала напоминали блуждания двух сумасшедших. Они забирались все выше и выше по узким горным тропам, пока у Гала не начинала кружиться голова. С каждой новой встречей они как бы говорили себе: «Пора с этим покончить». В решающий день Гала надела белое и такое тонкое платье, что, увидев ее, Дали вздрогнул. «Что вы хотите, чтобы я сделал с вами?» — сгорая от возбуждения, спросил он у нее. И, вся дрожа, она ответила тонким детским голосом: «Я хочу, чтобы вы вышибли из меня дух!»

> «Никакое толкование в мире не могло изменить смысл этого зова, — писал Дали. — Я должен был ее убить. Преступление легко можно было выдать за самоубийство, особенно если бы Гала заранее оставила предсмертное письмо. А если ее сбросить с высоты башни толедского собора? Лови, лови момент и убей ее! Но мой энтузиазм дал трещину…»

Ежедневные прогулки с Гала благотворно влияли на Сальвадора. Истерические симптомы исчезали один за другим. Он снова становился хозяином своей улыбки, своих движений. «Здоровье, как роза, расцветало в моей голове», — говорил Дали.

Поцелуй

…В то жаркое лето в Кадакесе Гала чувствовала себя необыкновенно помолодевшей и посвежевшей. Такой красивой она никогда еще не была — стройная, сильная, загоревшая, Гала вызывала восторг обожания у Дали, который сходил с ума от любви к ней. «Тело Гала, — говорил ослепленный любовью художник, — мне казалось сделанным из божественной плоти цвета золотистого муската». Он называл ее «моя оливка». Изысканная парижанка, столичная штучка с модной прической каре на подвитых волосах, привыкшая к роскоши и комфорту, сменила свои элегантные наряды и туфли на высоких каблуках на простые шорты, рубашку и сандалии. Она перестала делать маникюр, и ее ногти, обычно накрашенные красным лаком, выделялись своим натуральным светлым тоном на сильно загоревших руках. Ее густые черные волосы, в которые она втирала оливковое масло, естественные, без завивки, свободно развевались на ветру. Гала стала похожей на местную жительницу, жену рыбака, настолько ловко она управлялась с лодкой, подаренной ей Дали. Ноги, постройневшие от плавания и долгой ходьбы, приобрели еще более красивые очертания.

Кроме Гала, Дали не видел никого вокруг. «Ее мимолетные движения, жесты, ее выразительность — это все равно что вторая Новая Симфония: выдает архитектонические контуры совершенной души, кристаллизующиеся в благодати самого тела, в аромате кожи, в сверкающей морской пене ее жизни. Выражая изысканное дыхание чувств, пластика и выразительность материализуются в безукоризненной архитектуре из плоти и крови», — писал художник.

Взбираясь по тропинке над морем, Дали впервые решился поцеловать Гала. «Я поцеловал ее приоткрывшиеся губы, — описывал это событие художник в своем дневнике. — Я никогда еще так не целовался, так глубоко, и не думал, что такое может быть. Все мои эротические „Парсифали“ пробудились от толчков желания в так долго подавляемом теле. Этот первый поцелуй, в котором столкнулись наши зубы и сплелись наши языки, был лишь началом голода, который побуждал нас вкушать и поедать из глубины самих себя. Так я пожирал ее рот, кровь которого смешалась с моей кровью. Я исчезал в этом бесконечном поцелуе, который разверзся подо мной как бездна водоворота, в который меня затягивало преступление и который, я чувствовал, грозил проглотить меня»…

Гала выбирает Дали

Ко времени встречи с Дали союз Гала с Полем Элюаром исчерпал себя, во всяком случае, со стороны Гала, которую их брак перестал удовлетворять. Она не поспевала за сексуальным воображением поэта, пресытилась свободой, которую он ей предоставлял, устала от тройственного союза с Максом Эрнстом, навязанного Полем. Многочисленные короткие романы, которые Поль поощрял, не оставляли следа в душе Гала и не придавали ей новых сил. Гала не разделяла фантазий Поля, подразумевавших необходимость делиться любовью с кем-то еще. Она чувствовала себя разочарованной и усталой женщиной. История монотонного брака, в который превратилась ее жизнь с Полем, подходила к концу. Ей необходимо было что-то новое, но на самом деле хорошо забытое старое: брак с одним мужчиной. Но не с простым, а с творческой личностью с задатками гения, которому она бы посвящала всю себя и самозабвенно ему служила. Ей была нужна новая глина для лепки, чтобы почувствовать себя в своей лучшей роли, которая ей так удавалась по жизни. Но, с другой стороны, брак Гала и Поля был прочным, устоявшимся. Гала была всем обеспечена, если не сказать, что купалась в роскоши. К ее услугам были лучшие магазины, рестораны, товары. Наконец, у них была дочь, обожавшая свою мать. Почему Гала все же решила оставить Элюара ради Дали? Азарт авантюрной натуры? Пылкая страсть? Ставка на гениальность молодого художника? Желание покорить мир в союзе с Дали? Но ведь будущее этого странного молодого человека, так не похожего на всех, с кем приходилось встречаться Гала, было крайне неопределенным. На момент знакомства с Гала Дали был известен лишь узкому кругу любителей искусства и то, главным образом, благодаря своим странностям и причудам. Он был одиноким рыцарем, так же как и Поль Элюар в юности, своим призванием противопоставившим себя семье, и прежде всего отцу. Однако для Гала он обладал каким-то необъяснимым очарованием, как и она для него. Но Гала, в свою очередь, быстро поняла, что перед ней гений. Полусумасшедший, но обладающий большой духовной силой. И чего-то ждала. Наверное, воплощения ее собственных мифов? Считала, что он сможет стать этим воплощением.

Если Поль Элюар был очень талантлив, то Дали был гениален, и чуткая душа Гала затрепетала от волнения и предчувствий. Может, она по своему обыкновению разложила карты на судьбу и прочитала по ним будущую всемирную славу и признание Сальвадора Дали? Увидела, что будет блистать вместе

с ним на вершине художественного Олимпа? Во всяком случае, она почувствовала, что жизнь дает ей еще один шанс выступить в роли создательницы, творительницы гения, и пошла навстречу этому шансу, ощущая в себе силу и уверенность, как и раньше, когда способствовала рождению знаменитости из скромного, застенчивого юноши, тайно от всех писавшего стихи. Поэтому, вернувшись в Париж из Кадакеса, где она задержалась якобы из-за болезни дочери (Поль уехал раньше), Гала объявила мужу, что остается с Дали. И осталась с ним на пятьдесят три года…

Изгнание Дали

…Как-то на пляже после отъезда Гала в Париж Сальвадор увидел белую кошку с глазом, проколотым рыболовным крючком. Недобрый знак. Через несколько дней художник получил письмо от отца, в котором тот сообщал, что Сальвадора окончательно изгнали из семьи. По мнению добропорядочного отца семейства, не было ничего ужаснее, чем жизнь с Гала. В консервативном Фигерасе выходить с француженкой в свет было равносильно посещению проститутки. Тот факт, что в действительности она была русской, еще более усиливало подозрения. Кроме того, она была старше, и она была замужем. В результате отец лишил сына наследства. Вспыхнув, Сальвадор тут же с горя обрил себе голову в знак того, что начинается новый этап в его жизни. Вечером он заказал такси, которое на следующий день довезло его до границы, и он пересел в парижский поезд. Но едва художник успел приехать в Париж, как тут же заторопился обратно. Ему хотелось, не медля, продолжить поиск новых живописных решений. Он решил взять с собой Гала, и та согласилась.

«При мысли о том, что у меня в комнате будет живая женщина с грудью, волосами, деснами показалась мне такой заманчивой, что с трудом в это верилось, — писал Дали. — Перед отъездом я посетил своих друзей-сюрреалистов и понял, насколько Гала была права. Мне везло, и в том числе в любви, которой я отдавался как сумасшедший. Но в Кадакесе я оказался не сыном нотариуса, а лишь опозоренным блудным сыном, изгнанным из семьи и живущим вне брака с русской женщиной, которая, как считал отец, торговала наркотиками».

Фанаты страсти

Прежде чем они вернулись в Кадакес, Гала и Дали сбежали в испанский город Ситгес близ Барселоны, пустынные пляжи которого сверкали под зимним средиземноморским солнцем. Сбежали за несколько дней до его первой персональной парижской выставки. Он словно забыл о предстоящем вернисаже и находился во власти совсем другой мечты. Ему было неинтересно наблюдать за развешиванием его картин, ведь перед Дали раскрывалась страшная и волнующая тайна — любовь женщины. Там, запершись в комнате, они отрезали себя от остального мира… Открывшийся перед Дали мир женской любви потряс его до глубины всего его естества. Его охватила неудержимая буря чувств и эмоций, неведомых ему доселе.

«При каждом движении Гала мне хотелось плакать, — вспоминал он, потрясенный, взбудораженный, охваченный любовным неистовством. — Эта нежность сопровождалась порой некоторой долей садизма. Я вскакивал, крича на нее: „Ты слишком красива“, и тут же осыпал ее поцелуями, сжимал в объятиях. Чем больше я чувствовал ее сопротивление моим слишком пылким объятиям, тем больше мне хотелось ее сжать. Мои порывы изнуряли ее, но это лишь разжигало меня. Наконец Гала заплакала. Тогда я исступленно набросился на нее, исцеловывал лицо, сосал нос, сжимал щеки, сплющивал ей нос, сосал губы, что вызывало у нее гримасу, и снова обнимал ее, прижимая ей уши к щекам. Я стискивал ее маленькое личико в безумном бешенстве, как будто месил кусок теста для хлеба. Желая ее утешить, я заставлял ее плакать…»

Медовый месяц повторился и на курорте во Франции, в городке Карри-ле-Руэ на Лазурном Берегу, недалеко от Марселя. В местной маленькой гостинице они сняли два номера. В одном Сальвадор работал, в другом — они с Гала предавались любви. Дали, влюбленный до безумия, любовался божественной кожей Гала — гладкой, упругой, матовой, — совершенными пропорциями ее фигуры, которую он так часто будет изображать на своих полотнах, добиваясь особого свечения ее кожи. «Я изучал Гала с методичностью физика или археолога, — писал Дали, — и с воодушевлением и исступлением влюбленного. Я стал фанатом страсти. Я погряз в любви и занимался ею жадно, лихорадочно, доводя себя до пароксизма, позволив своим вожделениям наконец насытиться…»

После этих побегов он относился к своим выставкам как к «их» с Гала выставкам, а с 1934 года подписывал свои картины

двойным именем «Гала — Сальвадор Дали». Порабощение было полным и безвозвратным. Теперь о себе художник говорил только «мы», подразумевая слияние с Гала в одну личность и подчеркивая их странную зависимость друг от друга. Это бегство продолжалось всю их супружескую жизнь, даже тогда, когда Дали стал скандально знаменитым со своими закрученными длинными усами и выпученными глазами, запечатленными на множестве фотографий, для которых он всегда с удовольствием позировал фотографам вместе с Гала.

В неразрывном союзе с Гала художник олицетворял светлую сторону, любимую и вызывающую восхищение у других людей, а Гала, напротив, темную, пугающую и отталкивающую. Она была тайным советником художника, придающим ему силу и владевшим всеми его страшными тайнами, скрытой пружиной, и без нее он никогда не мог бы справиться с враждебным ему миром и раскрыть свой безмерный дар. Гала знала о нем больше, чем он сам знал о себе, и вела за собой с воодушевлением, верой и отвагой.

Художник не уставал восхищаться совершенством Гала. «Когда Гала отдыхает, могу сказать, что она равна своей грацией часовне Темпьетто ди Браманти, что близ собора Святого Петра Монтозио в Риме, — записывал он в дневнике. — И как Стендаль в Ватикане, я позже и независимо от него могу поставить на одну доску стройные колонны с ее гордостью, нежные и упорные перила с ее детскостью, божественные ступени с ее улыбкой. Долгими часами перед мольбертом, украдкой любуясь ею, когда она этого не замечала, я твердил себе, что она такое же прекрасное полотно, как работы Вермеера и Рафаэля. Тогда как другие, кто нас окружает, кажутся всегда так мало прорисованными, так посредственно отделанными, что похожи скорее на гнусные карикатуры, намалеванные на скорую руку голодным художником на террасе кафе».

Порт-Льигат

«Микрокосмом из микрокосмов» назвал Порт-Льигат, затерянное место, изолированное от остального мира и решительно повернувшееся к морю, французский писатель Анри-Франсуа Рей. Он написал, что это какое-то особенное место, словно отрицающее время и пространство — «время здесь не существует, его можно растягивать по своей воле. Пространство становится

эластичным — достаточно только этого захотеть; кажется, что сюда ничего не просачивается из остального мира, оставшегося за горой».

Бедные, но гордые

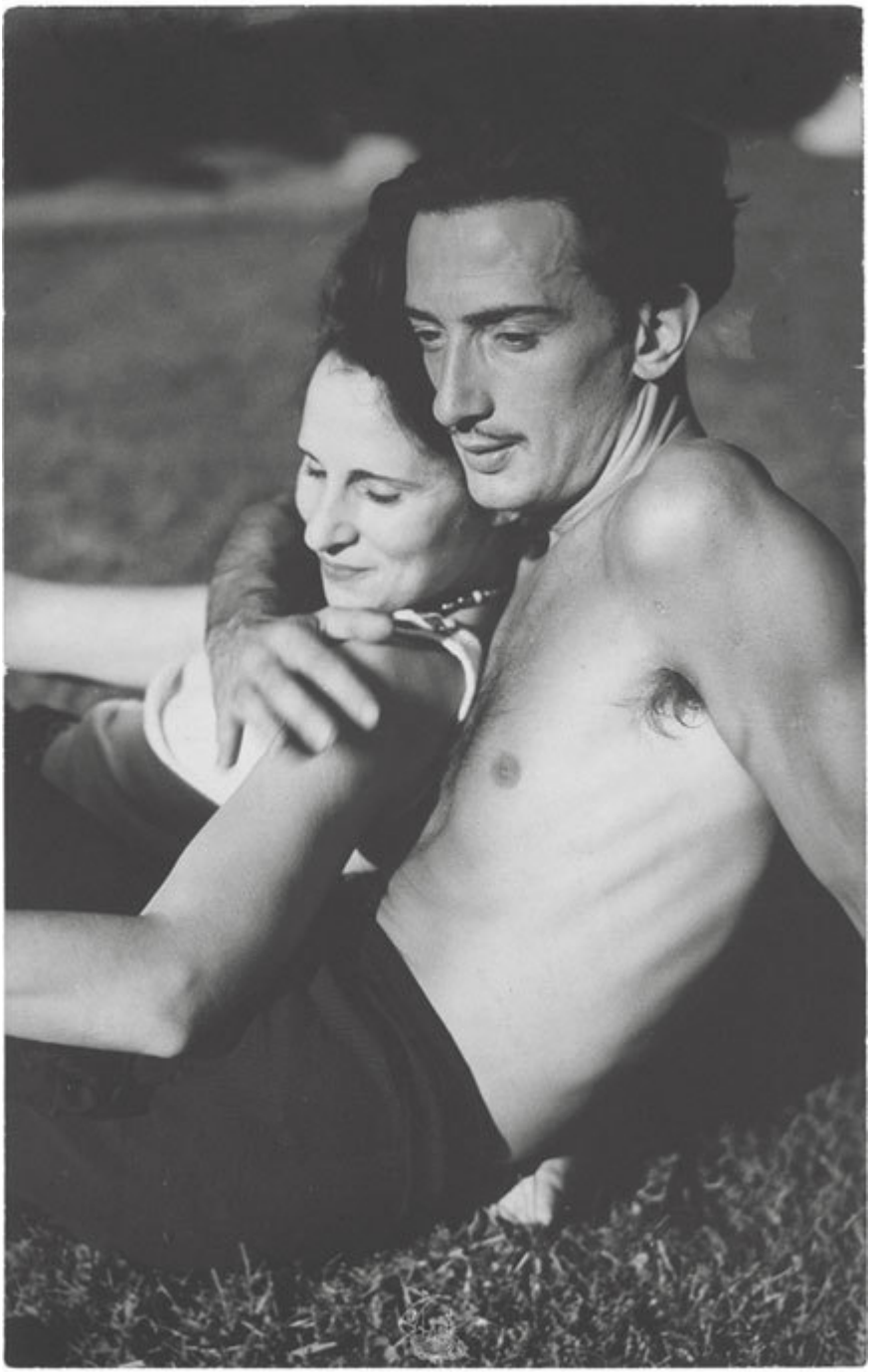
В Порт-Льигате, маленькой бухте в четверти часа ходьбы от Кадакеса, где по утрам царила дикая и жестокая красота, Дали приобрел для себя и любимой женщины жалкий домишко с разрушенной крышей у местной рыбачки Лидии. Одна комната примерно четыре на четыре метра должна была служить одновременно мастерской, прихожей, столовой и спальней. Несколько ступенек вели в душ, туалет и кухню. «Не думай больше о проблемах, — сказал он Гала, — не думай о расходе воды, электричества, о комнате для прислуги. У нас будет только наша страсть, которая нас скоро состарит. И когда я напишу о тебе книгу, ты встанешь в один ряд с Беатриче».

О том, что они жили в нищете, никто не должен был догадываться. Притчей во языцех стал персик, который влюбленным приходилось делить пополам. «Секрет моего влияния, — вспоминал Дали, — это то, что оно всегда было тайным. Секрет влияния Гала был, в свою очередь, в том, что оно было вдвойне тайным. Но я знал секрет, как оставаться втайне. Гала знала секрет, как оставаться скрытой в моей тайне. Иногда похоже было, что мой секрет раскрыт: ошибка! Это был не мой секрет, а тайна Гала! Наша бедность, отсутствие у нас денег также было нашим секретом. Почти всегда у нас не было ни гроша, и мы жили в страхе нищеты. Тем не менее мы знали, что не показывать этого — наша сила. Мы могли умереть с голоду, и никто никогда не узнал бы об этом. „С голоду помирай, а виду не подавай“ — вот каким был наш девиз». Дали говорил, что они с Гала были похожи на испанца, которому нечего есть, но, как только пробьет двенадцать, он идет домой и садится за пустой, без хлеба и вина, стол. Он ждет, пока все пообедают. Под палящим солнцем спит пустая площадь. Из всех окон видно, кто уже поел и идет через площадь. Сочтя, что уже пора, человек встает, берет зубочистку и выходит прогуляться на площадь, как ни в чем не бывало ковыряя зубочисткой в зубах. Находясь в бедственном положении, Гала, как истинная леди, следовала аристократическим принципам жизни, например увеличивала чаевые по мере таяния денег, и считала, что лучше ничего не есть, чем питаться плохо.

Пока Дали не спал, не ложилась и Гала, наблюдая за его работой еще более напряженно, чем он сам. Поэтому художник нередко пускался на жульничество, не желая увидеть ее страдающей. «Это ведь твоей кровью я пишу картины», — сказал он ей однажды. Как-то раз, решив написать часы, художник

написал их очень мягкими. Это было однажды вечером. Дали и Гала поели очень вкусного сыру, потом художник остался один и рассуждал, как супермягок плавленый сыр. Через два часа, когда Гала вернулась из кино, картина, которой было суждено стать одной из самых знаменитых, была закончена. Сальвадор усадил Гала и закрыл ей глаза. Раз, два, три! Он убедился, что изображение произвело эффект, ибо Гала никогда не ошибалась. По поводу картины она сказала: «Никто не сможет ее забыть, увидев только раз». И оказалась права.

Гала проявила удивительное умение организовать быт семьи. «Если я не заработаю денег, Гала опять придется творить чудеса из того немногого, что у нас еще остается, — вспоминал художник. — Никогда грязные уши, цыганская жизнь и засаленные простыни не вступали к нам на своих длинных лапах. Мы не знали жареной-пережареной картошки и унизительных визитов служащих с неоплаченными счетами за газ и электричество и безнадежными звонками у запасного входа пустой кухни. Никогда не сдавались мы бытовой прозе. Мы выкручивались благодаря чудесам стратегической ловкости Гала. Располагая небольшими средствами, мы питались скромно, но хорошо. Мы никуда не ходили. Гала сама шила себе платья, а я работал в сто раз больше, чем любой посредственный художник. Я полностью выкладывался, готовясь к новым выставкам и продавая работы редким товарищам. Гала иной раз упрекала меня, что я работаю за низкую плату, а я отвечал — удивительно, что есть еще товарищи, ведь я гений, а гениям предназначено умирать с голоду».



Гала и Сальвадор Дали

Но Гала вовсе не хотела умирать с голоду. Она понимала, что необходимо выходить в свет, обзаводиться связями и знакомствами. На зиму супруги покидали свой домик,

продуваемый всеми ветрами — Гала нельзя было находиться в таком климате, у нее сразу же обострялся плеврит, — и уезжали в Париж. Познакомившись через виконта де Ноайя, первого покупателя картин Дали, с князем де Фосини-Люсэнжем, она чистосердечно рассказала ему о том, в какой нужде живут они с Сальвадором и как это мешает его творчеству. «Дали необходимо спокойствие, — добавила она, — а следовательно, деньги, чтобы рисовать». Тогда князь создал специально для Дали небольшой комитет коллекционеров, названный «Зодиаком», в который вошли представители высшего общества. Раз в месяц какой-нибудь маркиз или виконт выкупал произведение Дали, тем самым давая ему средства к существованию и рекламу в обществе.

Все держалась на Гала, на ее бешеной энергии, упорстве и поистине фанатической преданности художнику и его идеям. Она без устали, не щадя себя, объезжала весь Париж, и если бы не ее настойчивость, мир не узнал бы о существовании художника по имени Сальвадор Дали. «Особенно страдала Гала: во второй половине дня одержимо и преданно она пускалась в крестовый поход с моими проектами под мышкой, — читаем мы в дневнике Дали. — Ее терпение превышало все границы человеческой выносливости. Она возвращалась вечером осунувшаяся, чуть живая от усталости — и с теми же рулонами, плодами моего увлечения.

Я спрашивал:

— Не пошло?

Она рассказывала мне обо всем терпеливо и в мельчайших деталях. Мы часто плакали, а потом, чтобы забыть про заботы, отправлялись в полумрак местного кинотеатрика. Повторялась одна и та же история: сперва находили мои изобретения бессмысленными и не имеющим коммерческой ценности. Затем, когда Гала настойчиво убеждала их в практической ценности, ей возражали: вещь внешне эффектна, но ее невозможно создать, или она стоила бы сумасшедших денег. Приговор был беспощадным. Подавленные, мы должны были отказываться от одного проекта и приниматься за другой.

Гала наспех обедала и отправлялась на автобусе в новый крестовый поход. Но перед этим крепко целовала меня в губы и говорила: „Мужайся!“ И я, расстроенный, полдня писал свою антимодернистскую картину, в то время как у меня в голове кружились тысячи неосуществимых проектов».

Посвящение Гала

Художник не только рисовал Гала. В 1931-м он посвятил ей свое стихотворение «Любовь и память»:

…Вдали от образа моей сестры Гала
Ее глаза похожи на ее анус
Ее колени похожи на ее уши…
Ее ягодицы похожи на палец ее руки
Палец ее руки похож на ее голос
Ее голос похож на палец ее ноги
Палец ее ноги похож на волосы ее подмышек
Волосы ее подмышек похожи на ее лоб
Ее лоб похож на ее бедра
Ее бедра похожи на ее десны
Ее десны похожи на ее волосы
Ее волосы похожи на ее ноги…

Развод Гала и законный брак

15 июля 1932 года девятая палата гражданского суда департамента Сены признает развод Эжена и Гала Грендель после пятнадцати лет супружеской жизни. Их дочь Сесиль остается на попечении отца, а на самом деле забота о ней возложена на бабушку, и жить она продолжает в пансионате. А в конце 1934 года Гала выйдет замуж за Сальвадора Дали в Париже, в консульстве Испании.

Современники о Гала

Всюду, где бы ни появлялся художник, его сопровождала сдержанная, молчаливая и загадочная Гала — в безукоризненном строгом костюме от Шанель, скупая на внешние эффекты, слова и улыбки, непроницаемая, как сфинкс, хранящая ей одной известные тайны. Одно только присутствие Гала вселяло в художника уверенность. «Дай мне руку, — говорил он ей на улице, — я могу упасть». Сальвадор не мог обходиться без Гала. Ему нужно было, чтобы она всегда была рядом.

«Гала склонялась надо мной, оберегая мой сон, заботясь о моем возрождении (Гала Градива раз уже излечила меня своей любовью от безумия), — писал Дали в дневнике. — Спустившись на землю, я преуспел в „славе“ сюрреалиста. Однако новая вспышка безумия угрожала этому успеху, так как я полностью ушел в воображение. Надо было разбить эту хризолиду. И реально поверить в свое творчество. Она научила меня ходить, а теперь необходимо идти вперед, как Градива. Надо было разорвать буржуазный кокон моего страха. Или безумен, или жив! Я вечно повторял: жив — до самой старости, до самой смерти, единственное мое отличие от сумасшедшего — то, что я не сумасшедший. Как хризолида, я был закутан в шелковую нить своего воображения. Надо было разорвать ее, чтобы паранойальная бабочка моего разума вышла из нее преображенной, живой и естественной. „Заточение“, условие метаморфозы, без Гала угрожало стать моей собственной могилой».

Гала, 1932 г.

Если бы Гала спросили, безумен ли Дали, она бы просто пожала плечами. Невозмутимая и роскошная, она сохраняла спокойствие в самых рискованных ситуациях. Никакие выходки художника не могли вывести ее из себя. Она во всем соглашалась с Дали, не перечила и не спорила, поддерживала все его устремления и фантазии, не меняясь в лице. Ледяное чудовище, чуждое всяких сантиментов, — так порой воспринимали Гала современники из-за ее сдержанного, резкого, твердого и несгибаемого характера. Скромная, неброская, она никогда не стремилась выделиться. В центре внимания всегда должен быть он, гений, творец, король, непревзойденный Сальвадор Дали! Она

словно забывала о себе, но на самом деле рядом с гением, воспитанным ею, была сама собой на все сто процентов. Поддерживая другого, жертвуя для него своим временем и энергией, она обретала себя, раскрывала свои лучшие черты и качества. Время оказалось не властно над безоговорочной верой Гала в блестящее будущее для нее и Дали. Это был секрет музы — не только позировать и вдохновлять, но и верить, верить вопреки всему и вселять эту непоколебимую веру в вечно сомневающегося в себе мужа. «Ты самый талантливый, самый потрясающий художник в мире», — не уставала повторять Гала, и эти слова были для Дали хлебом насущным, ежедневной молитвой, действенным заклинанием. Она умела внушить своему мужчине небывалую, непреходящую, неземную уверенность. И в этом заключался один из секретов власти Гала! Наверное, Гала можно было назвать медиумом. Существование Гала определялось судьбой избранного ею мужчины. Таков был ее путь, которому она следовала всю свою жизнь. Казалось бы, несовместимые ипостаси — священная мать и развратная женщина — каким-то образом объединялись в противоречивой натуре Гала.

«Судьбоносная альпинистка»

> Так назвал Гала доктор Пьер Румегер, написавший в 1950 году диссертацию «Мистицизм Дали в свете истории религий». «Она знала, что Дали — гений, и породила гения… — писал он. — Гала повстречалась с ущербным больным и произвела его в величайшие — наряду с Пикассо — личности своего времени; напитавшись его идеями, она, в прямом смысле слова, его возвеличила. Сколько бы ее ни критиковали, я считаю, что она была для него источником жизни, матерью, сестрой, вдохновительницей, женой, любовницей».

Гала преуспела в своей коронной роли воспитательницы гениев. Она нашла свое призвание, жизненное предназначение и следовала ему неукоснительно. Но ее имя и ее жизнь с Дали были окружены сплетнями, слухами, кривотолками и подчас противоположными мнениями об их отношениях. Поэт и меценат Эдуард Джеймс писал о своем друге Дали: «Он женат самым традиционным образом и сейчас самый благополучный человек на свете, а не тот неврастеник на грани срыва, которого мы все знали. Какое счастье для художника найти идеальную жену.

Такое бывает один раз из ста. И случилось с Дали. Думаю, будущее его радикальным образом переменится».

«Семейная пара Гала — Дали в какой-то мере напоминала герцога и герцогиню Виндзорских. Беспомощный в житейском отношении, чрезвычайно чувственный художник был пленен жесткой, расчетливой и отчаянно стремящейся вверх хищницей, которую сюрреалисты окрестили Гала-Чума. О ней говорили также, что ее взгляд проникает сквозь стены банковских сейфов. Впрочем, для того, чтобы выяснить состояние счета Дали, рентгеновские способности ей были не нужны: счет был общим. Она просто взяла беззащитного и, несомненно, одаренного Дали и превратила его в мультимиллионера и звезду мировой величины. Еще до бракосочетания в 1934 году Гала удалось добиться того, что их дом начали осаждать толпы богатых коллекционеров, страстно желавших приобрести реликвии, освященные гением Дали» — это слова журналиста Фрэнка Уитфорда из «Санди таймс».

Французский книгоиздатель, коллекционер живописи Пьер Аржилле, отвечая на вопросы журналистов, сказал: «Эта женщина обладала необычайной притягательностью. Ее первый муж Элюар до самой своей смерти писал ей нежнейшие любовные письма. Сальвадор без конца ее рисовал. Честно говоря, она была не так уж и молода для натурщицы, но художники, сами знаете, народ непростой. Коль скоро она его вдохновляла…»

А вот мнение Джона Ричардсона, директора галереи Кнёдлер в 1970-е годы, дружившего с супругами Дали: «У меня сложилось впечатление, что он искусно разыгрывал свои вспышки, будучи умным и искусным актером, и прекрасно понимал, что делает. В коммерческих отношениях он был дьявольски хитрой бестией и вдобавок очень жесток. Гала умела манипулировать им, а он в свою очередь манипулировал ею. В артистическом мире существует непреложная аксиома: творец представляется свободной личностью, человеком не от мира сего, зато жена у него практична донельзя, настоящий черт в юбке. Но Гала в самом деле была чертовкой. Она могла вас поколотить, если не получала, чего хотела. А хотела она, как мне кажется, власти, денег и роскоши».

«Супружеская чета умела ладить со всеми на свете, — писал дипломат и политик Гастон Бержери. — У Дали были обворожительные манеры, он прекрасно воспитан, Гала тоже. Без нее он, может быть, и позволял бы себе какие-нибудь выходки, но она понимала значимость встреч, цену человеческих отношений и всячески их поддерживала. За взаимоотношения с внешним миром отвечала Гала».

Друзья говорили о супругах: «Она была его половиной, а он — ее рабом». Она волшебным образом преобразовывала творческую энергию Дали в финансово успешные проекты, взяв на себя организацию выставок, поиск богатых спонсоров, продажу картин. Сам Дали неоднократно утверждал, что Гала в буквальном смысле спасла его от полного безумия и именно ей — единственной — он обязан своей мировой славой. Она, вершившая судьбами художников и поэтов, дала ему все — и женскую любовь, и здоровье, и творчество, и деньги, и успех…

«Во всем мире, — писал Дали, — и особенно в Америке, люди сгорают от желания узнать, в чем же тайна метода, с помощью которого мне удалось достигнуть подобных успехов. А метод этот действительно существует. И называется он параноидно-критическим методом. Вот уже больше тридцати лет, как я изобрел его и применяю с неизменным успехом, хотя и по сей день так и не смог понять, в чем же этот метод заключается. В общем и целом его можно было бы определить как строжайшую логическую систематизацию самых что ни на есть бредовых и безумных явлений и материй с целью придать осязаемо творческий характер самым моим опасным навязчивым идеям. Этот метод работает только при условии, если владеешь нежным мотором божественного происхождения, неким живым ядром, некой Гала — а она одна, единственная на всем свете…»

…Однажды, оставшись на короткое время без Гала — Сальвадор выступал с лекцией, а она, почувствовав необходимость взбодриться, вышла выпить кофе, — он в буквальном смысле мог умереть. Верный своей привычке эпатировать публику, он облачился в скафандр водолаза и ботинки на свинцовых подошвах, таких тяжелых, что художника пришлось вынести к публике. Голову его закрывал металлический шлем. Дали пытался что-то говорить, но его не было слышно из-за непроницаемого шлема, но самое худшее, что могло случиться, он начал задыхаться. Зрители почувствовали неладное по беспорядочным взмахам его рук и побежали за Гала, в сумочке которой лежал ключ от шлема, едва не погубившего художника…

С Гала и без нее

В «Дневнике одного гения» Дали метафорически изображает свою жизнь с Гала — и возможную жизнь без нее: «Мне видятся двое рыцарей. Один из них наг, второй тоже голый. Каждый из них вот-вот готов

пуститься в путь по одной из двух совершенно симметричных улиц, и их кони, одинаково подняв одну ногу, уже устремились вперед. Но одна из улиц залита холодным, безжалостным светом объективности, вторая же заполнена ясным, словно на свадебных торжествах рафаэлевской мадонны, прозрачным воздухом, который обретает вдали безупречную чистоту кристалла. Внезапно одну из улиц заволакивает непроницаемый туман, он все густеет, превращаясь в какую-то непроходимую свинцовую тучу. Оба рыцаря — это два Дали. Один из них принадлежит Гала, другой — тот, каким бы он был, если бы никогда ее не встретил». Такова была власть и влияние этой удивительной личности.

Мифическая женщина

В предисловии к «Дневнику гения» Сальвадор Дали говорил о себе так: «Уникальный гений, которому выпала уникальная удача слиться с гением Гала, единственной мифической женщиной нашего времени». Он мифологизировал Гала и все, что было с ней связано. Художник особенно любил у своей жены родинку на мочке левого уха и придавал ей сакральное значение. Такая же родинка была и у Пабло Пикассо, в мастерской которого супруги побывали перед войной. «Родинка Гала — единственная живая частичка ее тела, которую я могу охватить целиком двумя пальцами. Она внушает мне подсознательную уверенность в моем бессмертии феникса», — говорил Дали. По его мнению — а он страстно увлекался эзотерическими трактатами, — родинка Гала соответствовала пересечению линий золотого сечения. «Я предполагаю, что внутреннее солнце — привилегия исключительных натур — пробивает изнутри этот внешний слой, проявляясь на поверхности в форме родинки — отметины божественных творцов. Конечно, и обычные люди могут иметь родинки в большом количестве, разбросанные наугад, располагающиеся как придется. Но у существ исключительной психологической организации (а таковой он, несомненно, считал Гала. — *Авт.*) родинки являются отражением внутреннего солнца, заключенного в них божественного начала», — писал он.

Гала стала для него центром Вселенной, его ангелом, его демоном, его галлюцинацией, его кислородом. Настоящей феерией, вечным праздником. Она светилась потаенной радостью и неистребимым жизнелюбием. Гала всегда находилась в согласии с собой, она не зависела от чужих оценок и мнений, и в этом, наверное, заключался секрет ее внутренней свободы и вдохновляющего воздействия на мужчин. У нее был невероятно сильный характер, упорный и несгибаемый, способность противостоять неизвестности, не раскисать и не жаловаться, что делало ее незаменимой для мнительного и робкого Дали. При виде лифта его охватывала паника. А как он боялся заключения договоров! По поводу последнего Гала однажды сказала: «Утром Сальвадор совершает ошибки, а во второй половине дня я их исправляю, разрывая легкомысленно подписанные им договоры».

На первый взгляд более странной пары трудно было себе представить — чувственная Гала, не раз занимавшаяся любовью с другими мужчинами на глазах супруга, и скованный комплексами художник, который панически боялся близости с женщиной и делал исключение только для Гала. Наверное, их объединяла

любовная ненасытность, но у Гала это проявлялось в реальной жизни — она неустанно преследовала молодых людей, которые позировали художнику, и часто добивалась своего, — а у Дали — в творческом воображении. Ему достаточно было созерцать красоту, а не обладать ею. «Мне хватает моего необузданного воображения, — говорил художник. — И, в конце концов, я ни в чем не нуждаюсь». «Оргазм — это только повод, — объяснял он. — Главное — это наслаждение от видения». После возвращения из Америки на родину он устраивал эротические живые картины, в которых участвовали красивые девушки и юноши, обычно в номере шикарного отеля «Риц» в Барселоне. Дали никогда не приглашал Гала на представления своего театра, объясняя это тем, что она — «пуританка». Ну, уж пуританкой Гала точно не была. Просто она закрывала глаза на любимые развлечения своего гениального мужа, граничившие с пороками вуайериста. «В любви, — писал Дали в своем произведении „Видимая женщина“, — я придаю особую цену тому, что обычно называют извращением и пороком. Я расцениваю извращение и порок как самые революционные формы мысли и деятельности, а также считаю любовь единственным достойным занятием в человеческой жизни». Любовь проходила через сердце художника, а эротизм — через глаза. Хотя в «Мистическом манифесте» художник говорил, что «духовная жизнь невозможна без целомудрия», видимо, в его представлении, на зрение целомудрие не распространялось.

Поразительная интуиция Гала подсказывала верные ходы, а неукротимая энергия и настойчивость в продвижении картин мужа приносила свои плоды. Гала почувствовала, что именно Америка возведет Дали на вершину мировой славы, и не ошиблась. А поспешить с отъездом за океан супругов заставили революционные события в Испании, которая была парализована всеобщей забастовкой. Шестого октября, когда была провозглашена независимость Каталонии, супругов на рассвете разбудил местный рыбак и посоветовал уезжать как можно скорее.

Они быстро собрали вещи и покинули Порт-Льигат на много лет. В поездке их сопровождала новая знакомая Карен Кроссби, вдова богатого американца. «В купе третьего класса у самого локомотива, Дали сидит и смотрит поверх груды своих картин, напряженный, как охотник в засаде, — вспоминала Карен их путешествие в порт Гавр, откуда они должны были отплыть в Америку. — Благодаря сложной системе веревочек он привязал все свои картины либо к одежде, либо к пальцам. Бледный от беспокойства, он громко заявляет: „Я сел возле локомотива, чтобы как можно быстрее добраться“».

Гала и отбивные

Сальвадор Дали был предельно эксцентричен, экстравагантен. Когда его спрашивали, почему он изобразил любимую жену Гала с двумя отбивными на спине, ответил просто: «Я люблю мою жену и люблю отбивные; не понимаю, почему не могу нарисовать их вместе…»

Жизнь знаменитой пары в Америке, где они прожили все военные и первые послевоенные годы, била ключом. Деньги потекли к ним рекой. В США Сальвадора Дали ждал сенсационный успех — страну охватила сюрреалистическая лихорадка. Чем только не занимался Дали в Америке! Разносторонность его гения поражает. Он устраивал сюрреалистические балы и выставки своих картин. Сотрудничал с Альфредом Хичкоком и Уолтом Диснеем. Оформлял витрины модных магазинов и павильоны международных ярмарок. Его

внимание привлекли оперные и балетные постановки, для которых он писал либретто и придумывал костюмы. Он читал лекции по искусству, занимался фотографией и книжным иллюстрированием. И за всем этим, несомненно, стояла бешеная энергия его музы.

…На одном из костюмированных балов Гала в первый и единственный в ее жизни раз затмила Дали. Это был сюрреалистический бал в ночном клубе «Красный петух» на 56-й авеню, где супруги решили отпраздновать свой грандиозный заокеанский успех. Оглядев себя в зеркале со всех сторон, она осталась очень довольна своим отражением — юбка из красного целлофана, ярко-зеленый лиф… Но самый главный эффект заключался в головном уборе. На голову Гала прицепила куклу, имитирующую труп ребенка, изглоданный муравьями; череп муляжа сжимали клешни омара, излучавшего фосфорическое сияние. Тема смерти и разложения, муравьи и омары — неизменные спутники Дали, отражение его страхов и ночных кошмаров. Но зрителям было не до фрейдистских символов. Публика восприняла это как намек на шокировавшую всю Америку недавнюю трагедию, которая еще не изгладилась из памяти: похищение и убийство ребенка Линдбергов, сына авиатора, впервые пересекшего Атлантический океан. Напрасно Дали выступал в защиту жены, его слова не возымели действия, а, напротив, только спровоцировали газетную шумиху.

Сон Гала

«Гала, проснувшись при моем появлении, крикнула из своей комнаты:

— Послушай-ка, малыш Дали! Мне только что приснилось, будто через полуоткрытую дверь я видела тебя в окружении каких-то людей.

И знаешь, вы взвешивали золото!..

Перекрестившись в темноте, я торжественно пробормотал:

— Да будет так!

А потом я расцеловал мое божество, мое сокровище, мой золотой талисман!»

(из дневника С. Дали)

Этим появлением на балу Гала вызвала новую волну пересудов, обвинений ее в жестокости, алчности, аморальности.

Недоброжелатели утверждали, что Гала развратила и Дали, развила в нем жажду денег любой ценой и эгоизм. Бывший друг Дали, поэт Андре Бретон, стал называть вернувшегося из США Сальвадора не иначе как «Avida Dollars», то есть «жадный на доллары». Сама Гала честно признавалась в многочисленных интервью: «Мы все время охотимся за деньгами. Нам приходится содержать виллу в Испании, дом во Франции, квартиру в Нью-Йорке, да еще бесконечные отели. Одно разорение!»

«Атомная Леда»

В 1945 году после взрыва атомной бомбы, названной «Малыш», которым Дали был потрясен, атом стал главным предметом размышлений художника. В его пейзажах, написанных в это время, отражался ужас, испытанный Дали при известии об атомном взрыве. Его завораживала мысль о том, что материя состоит из множества мельчайших частиц, а расщепление атомного ядра произвело на него самое большое впечатление. Художник заинтересовался физической природой атома, частицы которого, как известно, не соприкасаются друг с другом. Этим фактом Дали был особенно поражен: он с юности не терпел физических контактов с кем-либо, кроме Гала.

«Одна приятельница, которая всегда восхищается мной, уже не раз намекала на красоту моих ног, — вспоминал художник. — Я считаю глупыми ее назойливо повторенные комплименты. Она сидит на земле, ее голова слегка опирается на мое колено. Вдруг она кладет руку мне на ногу — я чувствую еле ощутимую ласку ее трепещущих пальцев. И тут же вскакиваю, охваченный чувством ревности к самому себе, как если бы внезапно сам стал Гала. Отталкиваю свою поклонницу, бросаю ее наземь и топчу ногами что есть силы. Меня с трудом отрывают от нее, окровавленной».

Атомная Леда. 1949

Дали был удивлен сходством собственных физических ощущений и строения атома. Свою картину «Атомная Леда», написанную в 1947 году, художник выстроил по тому же принципу — в ней ни один изображенный объект не касается друг друга. Море на картине не соприкасалось с землей, и по этому поводу Дали писал: «Так, по-моему, проецируется на плоскость воображения один из мифов о соединении божественного и животного и наоборот».

Создав эту картину в классической манере, художник отдал дань «атомной» моде. Сюжет из древнегреческого мифа, изображающий Леду, супругу царя Спарты Тиндарея, в процессе совокупления с олимпийским громовержцем Зевсом, принявшим

облик лебедя, был известен еще с XVI века. Его использовали в своих ныне утраченных работах великие Леонардо да Винчи и Микеланджело. Леда снесла два яйца. Из одного вышли герои-близнецы Кастор и Поллукс, а из другого — Клитемнестра и прекрасная Елена, ставшая причиной Троянской войны.

Дали считал себя и Гала божественными братом и сестрой, но на полотне в образе Леды она олицетворяет его мать, а с Кастором и Поллуксом Дали соотносил себя и умершего брата, которого тоже звали Сальвадор Дали. Он умер в возрасте двух лет от гастроэнтерита. Призрак маленького мальчика в кружевах, портрет которого висел в спальне у неутешных родителей, повсюду преследовал Дали, родившегося через девять месяцев после смерти брата. Он чувствовал свою невольную вину перед братом, на постели которого он спал, и его ночи превратились в кошмарные.

Возможно, эта семейная драма и стала причиной его легендарной эпатажности? «Каждый день я убивал его собственными руками, — признавался художник в 1966 году, — забивал ногами с элегантностью истинного денди. Он был моим темным божеством, мы были Кастором и Поллуксом; я — Поллукс, бессмертный брат, а он — смертный. Я убивал его беспрестанно, потому что „божественный Дали“ не мог иметь ничего общего с этим земным братом».

Глава четвертая. Гала навсегда

Я люблю Гала больше, чем отца, больше, чем мать, больше, чем Пикассо. И даже больше, чем деньги.

Сальвадор Дали

Возвращение

…Стоял жаркий июль 1954 года, когда пылающее солнце добела раскаляло улицы Порт-Льигата. За рулем роскошного черного «кадиллака», неожиданно появившегося на одной из улиц, что стало большим событием для местных рыбаков и их жен, сидела, как обычно, невозмутимая Гала, рядом с ней — испуганный Дали, нервно теребящий свою трость, так как он всегда боялся переездов. «Кадиллак» был настолько глубокий, что, утопая в нем, Гала едва могла видеть нижний край ветрового стекла. В волосах пятидесятичетырехлетней женщины большой черный велюровый бант, из-за чего она похожа на маленькую девочку, которая в юности снилась Дали. Вернувшись из Америки в Испанию, проездом через французский порт Гавр, Гала не стремилась повидаться ни с Полем Элюаром, ни с их дочерью Сесиль, ни со своей родившейся внучкой. По козьим тропам «кадиллак» направлялся к белому дому под черепичной крышей, снаружи похожему на крепость, почти без окон — Casa Dali, как называли его в округе. Он оставался рыбацким домом, к которому постепенно, хаотично, без всякого плана присоединялись другие домишки, и не имел ничего общего с теми роскошными отелями, в которых привыкли жить супруги, вернувшиеся из Америки баснословно богатыми. «Наш дом действительно рос, как некая биологическая структура, размножаясь клеточным отпочкованием», — рассказывал художник. В Casa Dali заключалась какая-то тайна, словно он призван был охранять семейные и творческие тайны живущих в нем. Как писала Доминик Бона, спальню супругов, где стояли две огромные сдвоенные железные кровати, отделанные золотом, под балдахином из голубого с розовой вышивкой шелка, Дали задумал словно комнату для мифологических близнецов, родившихся из двух яиц Леды, воплотив мечту об абсолютном и родственном союзе. Он считал себя Поллуксом, потому что персонаж древнегреческого мифа, так же как и сам Дали, заменил в жизни своего умершего брата, а Гала — Еленой, как самую красивую женщину в мире. Кроме того, Елена — настоящее имя Гала.

Дом семьи Дали в Кадакесе

Гала не любила впускать в дом посторонних. Они с Сальвадором наслаждались уединением и пользовались помощью всего двух слуг: Артуро, который прослужил им в качестве метрдотеля, шофера, садовника и просто мастера на все руки в течение сорока лет, и кухарки Пакиты, помимо прочего, мастерски готовившей лангуста в шоколаде — одно из самых любимых блюд Дали, которым он угощал друзей. Друзья приглашались к обеду или ужину, но никогда не ночевали в доме — там не было гостевых комнат, — и после трапезы они возвращались в гостиницу в Кадакесе или ночевали на яхте, если приезжали по морю. Лишь избранным открывали доступ в святая святых Casa Dali — в комнату, называвшуюся «Яйцо Гала» за свою необычную овальную форму. Вдоль стен располагались скамейки из камня, декорированные подушками из индийского шелка. Украшением служил огромных размеров круглый белый камин с кирпичным фризом. На табурете у камина Гала расположила самовар — как напоминание о своих корнях. Овальное зеркало на фронтоне камина причудливо отражало овальное же пространство. В этой строгой необычной обстановке Гала очень любила находиться, проводя время за чтением, шитьем, написанием писем. В доме усилиями Гала поддерживался порядок. Нигде не валялось ни одной кисточки. Единственным местом, где разрешалась некоторая импровизация, была мастерская Дали, заполненная массой разных вещей, среди которых можно было увидеть рога носорога, ракушки,

театральные костюмы, фотографии, книги, гравюры, сухие ветки…

Адреса четы Дали

После возвращения из Америки Гала и Дали зиму все равно старались проводить в Нью-Йорке, весну и лето — в Порт-Льигате, а осень — в Париже. В столице Франции они обычно жили в отеле «Мёрис», занимая анфиладу испанского короля Альфонса XIII, который жил здесь в 1907 году, с видом на сад Тюильри, где Дали совершал прогулки по утрам. Вечером они посещали выставки, или их можно было встретить в лучших парижских ресторанах: у Ле Дуаена, Лорана, в «Пти Бретоне», в «Тур д'Аржан» у Лассера. В Нью-Йорке, куда они отправлялись на роскошных пароходах, таких как «Франция» или «Королева Елизавета», они занимали апартаменты № 1016 в палас-отеле «Сен-Регис». В 1975 году один-единственный раз супруги решились полететь на самолете.

Венчание Гала и Дали

Последнее письмо Гала, в котором Поль Элюар просил бывшую жену написать их дочери Сесиль, продолжавшей тосковать по матери, датировано 21 февраля 1948 года. «Сесиль думает, что ты ее больше не любишь, и боится, что больше не увидит тебя, — писал Поль. — У нее достаточно твердости, и все-таки она каждый раз плачет, когда говорит о тебе». Заканчивалось письмо словами поэта, не переставшего любить Гала: «Милая Галочка, как бы мне хотелось с тобой увидеться. Н. т. (навсегда твой. — *Авт.*) Поль». А 18 ноября 1952 года Элюар скончался от сердечного приступа у себя дома, успев до этого жениться на перуанке, на двадцать лет моложе его, по имени Доминик Лемор (Нуш, вторая жена поэта, к тому времени умерла). Поль ушел из жизни, не повидавшись с Гала, но она к этому и не стремилась. Гала не любила оглядываться назад и обременять себя ностальгией. Она легко поворачивалась спиной к своему прошлому и не хотела вспоминать ни о России, ни о своей жизни с Полем. Гала жила настоящим и говорила о себе: «Я не прогуливаюсь, я шагаю». Сила, твердость, отсутствие сантиментов или сожалений о прошлом, движение вперед — такова была эта женщина.

Теперь Гала и Дали могли совершить обряд венчания, чего добивался Дали на приеме у Его Святейшества еще при жизни первого мужа своей жены. Но прошло почти шесть лет, прежде чем это произошло. Дали и Гала обвенчались 8 августа 1958 года, спустя двадцать девять лет после первой встречи, в деревне Монтревитж неподалеку от Жироны, где находился монастырь Пресвятой Девы с Ангелами. Во время остановки в Жироне какие-то шутники нацарапали на стеклах «кадиллака»: «Пикассо лучше Дали». Венчание прошло тихо и скромно, без журналистов, фотографов и посторонней публики. Таково было желание Гала — она не хотела шумихи с наглыми папарацци. Дали убеждал жену, что это событие надо отметить на широкую ногу, устроить многолюдный праздник, как он это любил, ведь повод-то не шуточный, но Гала настояла на своем. Гала было шестьдесят четыре года, но выглядела она на сорок — в ярком цветастом платье, с рубиновой брошью в форме сердца на груди, изготовленной по эскизам Дали. В руках она, как и положено невесте, держала букет, а Дали — трость с золотым набалдашником. На женихе был темный костюм в полоску и шелковый жилет. Своими черными волосами и горящими глазами Гала напоминала Кармен.

На свадьбу Дали подарил своей жене уникальное украшение — «Лебедя Леды», сделанное по его эскизам ювелиром из Нью-Йорка Карлосом Альмани. Лебедь был выполнен из российского камня александрита, а яйцо — из изумруда. Художник еще раз признался в любви своей жене, и та ответила ему взаимностью. «Я действительно люблю тебя все больше и больше», — говорил Дали Гала и подтверждал, что, если бы не она, он бы никогда не поверил в свое дарование и не стал бы художником.

«Со времен Малаги я ученик Гала, — вспоминал Дали, — которая раскрыла мне принципы удовольствия и научила меня реалиям. Она научила меня одеваться, спускаться по лестнице, не падая тридцать шесть раз, не терять денег, есть, не бросая на пол куриные кости, и различать наших врагов. Она была Ангелом Гармонии, пропорции которой возвестили о моем классицизме. Не потеряв лица, я избавился от тиков, которые меня терзали. Я понял свои действия. Гала не ожесточила меня, как это сделала бы жизнь, но построила вокруг меня скорлупу рака-отшельника, так что с внешней стороны я был как крепость, а внутренне продолжал стареть».

Рубиновое сердце

Художник видел в прикладном искусстве «пластическую философскую метафору», что отразилось в сюрреалистическом объекте — броши «Рубиновое сердце». Ее рождению, по версии Дали, предшествовала история, записанная им в дневнике в сентябре 1958 года: «…желая отблагодарить Гала за взрывчатое гранатовое яблоко, я повторил: „Что ты хочешь, сердце мое? Чего ты желаешь, сердце мое?“ И она ответила новым подарком для меня: „Бьющееся сердце из рубина!“». Это сердце Сальвадор Дали создал в честь коронации Елизаветы II в 1953 году. Рубиновое сердце бьется с частотой 72 удара в минуту, имитируя человеческий пульс. «Пульсирующие рубины олицетворяют королеву, чье сердце всегда бьется ради ее народа. Сердце из чистого золота символизирует народ, который охраняет и защищает свою государыню», — так говорил Дали о своем шедевре.

Мадонна с лицом Гала

…Время шло, Гала неотвратимо старела, но, околдованный своей женой, Дали этого не замечал и продолжал восхвалять ее и изображать на своих картинах как живой миф и современную икону. Он постоянно рисовал ее — то в образе Мадонны, то с ликом Христа, то в виде ангела. В 1952 году Дали изобразил Гала на картине «Ангел Порт-Льигата» сидящей около своей желтой лодки и смотрящей вдаль, с крыльями на спине. В том же году, на картине «Assumpta corpuscularia lapislazulina», ангелоподобная Гала возносится на небо, неся Иисуса на кресте в своей груди. На одной из картин Христофор Колумб, ступив на берег Нового Света, нес стяг с изображением Гала в образе Мадонны Непорочного Зачатия, покровительницы Испании. На другом полотне — «Мадонна Порт-Льигата» — художник придал Богоматери черты своей жены, избрав в качестве образца картину Пьеро делла Франческа. 23 ноября 1949 года художник подарил вариант этой картины папе Пию XII и вскоре после этого всерьез увлекся католицизмом. Дали издал «Мистический манифест», в котором говорил, что он не только сюрреалист, но и глубоко верующий человек. В центре новой мистической философии художника конечно же его жена — Гала.

«Мое солнце проникло в меня, я пропитался средиземноморским светом. Огненной стрелой пронизала мое сознание непреложность общения с Богом, чьим лучшим творением я являюсь. Мое возвращение из Америки было освящено этим важным событием: после славы, денег, признания в самых снобистских кругах Бог явил мне Себя, — признавался художник и добавлял: — Я был изгнан из семьи в 1930 году без гроша в кармане. Мировую славу я завоевал только с помощью Бога, света Ампурдана и повседневного героического самоотречения необыкновенной женщины — моей жены Гала».

Дали сам объяснял, как важен для него образ Гала: «Это не просто изображение женщины. Этот образ — один из центральных в моем творчестве. Привлекает он меня потому, что вдохновляет и волнует. В нем обаяние и некая женская непостижимость, загадочность русской души. Образ многозначительный, на все века…»

Рано потерявший мать, Дали подсознательно искал ее в женщинах. А в любви Гала, не сумевшей стать хорошей матерью для своей дочери Сесиль, превалировало как раз материнское начало — она любила мужчин моложе себя и называла их мальчиками. Если Поль Элюар был младше жены на год, Дали —

на десять лет, то с одним из своих любовников Гала разделяла разница в пятьдесят семь лет! Всемирно известный художник до старости оставался для нее «малышом Дали». Она возилась с ним, как с ребенком, читала ему на ночь, заставляла пить нужные лекарства, разбирала с ним его ночные кошмары и с бесконечным терпением рассеивала его постоянную мнительность. «Дали швырнул часами в очередного посетителя — Гала бросается к нему с успокоительными каплями: не дай бог, с ним сделается припадок», — свидетельствовала младшая сестра Гала Лидия, гостившая у них.

Гала была матерью для своих мужчин, но не для дочери, с которой практически не общалась и проявляла по отношению к ней непонятную жестокость. В период голода и бомбежек Парижа фашистами 22-летняя Сесиль продала несколько рисунков Дали, которые ей оставили на хранение. Бескомпромиссная Гала, которой не довелось пережить ужасов войны (все эти годы чета Дали провела в США), не смирилась с этой потерей, устроила страшный скандал, вылившийся в окончательное прекращение отношений. Видимо, весь запас материнских чувств Гала, после гинекологической операции ставшая неспособной к деторождению, растратила на своего гениального мужа. Но и сам Дали никогда не хотел иметь детей, потому что боялся, что от него может родиться умственно неполноценный ребенок.

«Балет для Гала»

22 августа 1961 года в венецианском театре «Феникс» состоялась премьера «Балета для Гала», либретто, костюмы и декорации к которому создал Сальвадор Дали. Поставил балет хореограф Морис Бежар, а роль Гала танцевала русская балерина Людмила Черина. В черном трико, с грудью, обтянутой материей под цвет кожи, она изображала Божественную Мать, вскормившую весь мир, саму жизнь. Гала находилась в зале и аплодировала спектаклю, героиней которого являлась.

Явление Короля-Солнце

…О появлении мэтра в патио перед домом Дали, обсаженном гранатовыми деревьями, оповещало насвистывание и постукивание трости по белым известняковым плитам, которые художник называл «Млечным Путем». Для него был установлен королевский трон под балдахином из белой ткани. И хотя собравшиеся с благоговением отдавали ему почести, внутри Король-Солнце продолжал оставаться робким и стеснительным. Все эти церемонии, как панцирем, закрывали его внутреннюю незащищенность и ранимость, а неизменная трость была оружием «защиты и нападения», которым Дали пытался защитить свой фантастический мир. Поздоровавшись с гостями — некоторые из них собирались в патио с самого утра, а Дали выходил с шести до восьми часов вечера, — художник начинал свои пространные монологи. «Там можно встретить кого угодно, — рассказывал Анри-Франсуа Рей, который очень любил Дали и находил забавными все его выходки. — Просто любопытный, иностранец, хиппи, хорошенькая девушка, журналист, приехавший все за тем же вечным интервью… Я встречал там иногда самые странные и самые смешные экземпляры… Среди посетителей патио нет ни одного нормального. Все они более или менее далийские».

Гала не участвовала в этих приемах во Дворе Чудес. Она появлялась с наступлением ночи, изображала на лице улыбку, что-то шептала на ухо Дали и исчезала, не попрощавшись. Посетители вызывали у нее то безразличие, то раздражение. Она с трудом сдерживалась, чтобы не нагрубить иностранцам, с которыми держала себя надменно и чопорно, если вообще не скрипела зубами. Но Гала позволила мужу проводить эти ритуальные приемы, чтобы он мог отдохнуть пару часов после напряженной работы. Иногда ему не хотелось выходить к людям, и тогда Пакита просила посетителей прийти завтра.

«Мое Золото»

В жизни Сальвадора Дали не было никого и ничего дороже Гала, поэтому он на склоне лет придумал ей новое имя — «Мое Золото», прекрасно понимая, что без деятельного участия жены у него ничего бы не состоялось.

Королева замка Пуболь

В старости Гала захотела тишины и покоя. Она устала от эпатажа и скандалов, сопровождавших жизнь семьи на протяжении многих лет, от эксцентрических выходок гениального художника, от необходимости быть при нем матерью и нянькой, на что часто жаловалась друзьям. «Однажды Гала позвонила мне, — рассказывала Аманда Лир, о которой речь впереди. — Я слышала ее рыдания… „Как я хочу отдохнуть, — сказала она мне, — но Дали не разрешает покидать его ни на минуту. Я даже не могу пойти к парикмахеру, я не выхожу из дома. Я так больше не могу!“» Если раньше центром Вселенной для нее был Дали, теперь у нее было только одно желание — пожить для себя.

Еще в 1930-е годы Дали пообещал любимой жене подарить ей на день рождения замок где-нибудь в Италии, в Тоскане например. Обычно на день рождения Гала просила Дали подарить ей одну из его картин, которые считала самыми лучшими в мире, — она не хотела получить ни вещи, ни украшения в качестве подарка. Таким образом, у нее собралась большая коллекция полотен Дали, среди которых она особенно выделяла картину «Хлеб». Италия для приобретения замка была выбрана не случайно — Гала обожала Италию и часто ездила туда со своими молодыми любовниками. Она проводила там недели, но регулярно, каждое утро, звонила Сальвадору из отеля и справлялась о его делах и самочувствии. В ответ в телефонной трубке звучали интонации бесконечной любви и нежности. «Я люблю Гала, — писал художник. — Она никуда не годная сиделка, никуда не годная кухарка, но она — моя муза. Когда мы поедем в мае на мою ретроспективную выставку в Прадо, в Мадрид, я еще раз обвенчаюсь с ней по коптскому обряду. В этот день я вызолочу себе усы. Это будет моей данью уважения Гала, единственной женщине в моей жизни».

Конечно, Дали очень не хватало Гала, он нуждался в ней постоянно и накрепко был к ней привязан. Без Гала его жизнь теряла равновесие, Дали начинали преследовать призраки. Гала привносила в их жизнь порядок и дисциплину — то, в чем художник очень нуждался. «Я навожу лоск на Гала так, чтобы она сияла, — говорил он, — я хочу, чтобы она была самой счастливой, я забочусь о ней лучше, чем о самом себе, потому что без нее все бы кончилось». Но художник ни в чем не упрекал свою музу, предоставляя ей возможность делать все, что ей заблагорассудится, и следовать своей женским прихотям. «Я разрешаю Гала иметь столько любовников, сколько ей хочется, —

говорил он. — Я даже поощряю ее, потому что меня это возбуждает». Но что он чувствовал на самом деле?

Однако с возрастом он уже не захотел отпускать жену так далеко и решил подыскать замок где-нибудь поблизости от Порт-Льигата. В поисках замка помогали друзья. Был даже арендован самолет, чтобы обозревать окрестности с воздуха и не упустить из виду ни одного подходящего здания. Наконец Дали нашел то, что хотел. Друзья обратили его внимание на средневековый замок Пуболь, расположенный между Фигерасом и Барселоной, в районе Жироны, недалеко от обители Святых Ангелов, где венчались Гала и Дали, и художник решил приобрести его для жены. Уже летом 1969 года, еще до подписания акта купли-продажи, в замке начались восстановительные работы, так как он лежал в руинах, с растрескавшимися стенами и продырявленной крышей. К зданию замка, построенного в XI веке и имевшего внутренний дворик, прилегала церковь. Весь ансамбль был окружен прекрасным садом. Замок много раз перестраивали, а в годы Гражданской войны в Испании его использовали в качестве тюрьмы. Гала Дали оформила приобретение замка официальным путем 1 июня 1970 года за полтора миллиона песет.

В этом замке, одновременно и роскошном и строгом, Гала обрела душевный покой и чувствовала себя защищенной. «Я хочу, чтобы здесь все было по-монашески, — говорила она. — Я часто подумывала о монастыре, о том, чтобы остаться одной. Я люблю одиночество и простоту». Как писала Софи Делассен в книге «Гала для Дали», стены замка были покрашены в ослепительно-белый цвет, белым полотном были обиты и стулья. На белом фоне выделялись красиво подобранные шторы. Сквозь стеклянный столик на втором этаже Гала могла любоваться белой лошадью, стоявшей на первом. По плиточному полу стучали каблучки неизменно элегантной хозяйки, тратившей много времени для поддержания своей, увы, уже увядающей красоты. Для этого была выделена специальная комната рядом со спальней, где Гала часами причесывалась и подкрашивалась. Туалеты Гала были сплошь от знаменитых дизайнеров — Жана Десе, Юбера Живанши, Кристиана Диора, Пьера Кардена, Элизабет Арден. Дали называл гардероб своей жены «гала-наряды Гала».

Замок Пуболь, Каталония

Полновластной хозяйкой, настоящей королевой этого замка была Гала, а Дали при ее жизни не чувствовал здесь себя как дома. Переступив порог своего нового дворца, Гала взяла художника за руку и неожиданно сказала ему: «Благодарю тебя еще раз. Я принимаю замок, но при единственном условии — ты будешь приходить ко мне, только получив письменное приглашение». Это условие, как ни странно, привело художника в

восторг — наверное, потому, что он откликнулся на него со всей утонченностью мазохиста. Замок стал для Дали неприступной крепостью, так же как неприступной крепостью продолжала оставаться и Гала, что еще больше подогревало интерес к ней со стороны великого художника. Она часто принимала у себя мужа, но он никогда не оставался ночевать в замке.

Фобии Гала

В конце жизни супруги Дали были баснословно богаты — Гала, которая вела семейную бухгалтерию, потеряла счет деньгам и не могла точно сказать, каким состоянием они располагают. Навязчивой идеей Гала стал поиск безопасности, которую, как она считала, могли обеспечить только деньги. Они — спасение от войн, революций, катастроф и возможность вести тот образ жизни, к какому она привыкла.

Поэтому чемоданы, с которыми она путешествовала, были доверху набиты наличными деньгами и лекарствами. Страх нищеты и болезни владел ею, когда она собиралась в дорогу. Больше всего она боялась, что заболеет и у нее не хватит средств на лечение. Чемоданы Гала трещали по швам…

Подобную ситуацию Дали в свое время воссоздал в своем романе «Скрытые лица», написанном в 1943 году по-французски и посвященном «Гала, которая постоянно была рядом, пока я писал, помогая, как добрая фея, моему душевному равновесию, прогоняя саламандр сомнений и придавая сил льву уверенности, Гала, вдохновлявшей меня благородством души, Гала — зеркалу, отражавшему самую жестокую из геометрий той эстетики чувств, что руководила моей работой»… Когда ситуация, описанная в романе, претворилась в жизнь, Дали был очень доволен.

«Кледанизм»

Герой романа Дали «Скрытые лица», написанного в своеобразном стиле «интеллектуального барокко», покупает дом для своей возлюбленной Соланж де Кледа, чтобы она имела возможность жить отдельно от него, потому что он считает ее второй святой Терезой, но

только живущей в миру. Дали принадлежит изобретение термина «кледанизм», что означает «наслаждение болью, сублимирующееся в трансцендентном слиянии с объектом». Сразу после написания роман был переведен на английский язык и издан в Великобритании. Во Франции произведение вышло в свет только однажды, в 1973 году. В 2004 году состоялось повторное издание романа во Франции, приуроченное к 100-летию со дня рождения Сальвадора Дали.

Подруги Дали

Когда Гала в очередной раз удалялась в замок с юным воздыхателем, Дали звонил одной из своих подруг: Наните Калашникофф или Аманде Лир, которые приезжали погостить в его доме на недельку-другую.

С Нанитой Калашникофф, испанкой, вышедшей замуж за русского, Дали познакомился на благотворительном балу в Нью-Йорке. Она была дочерью писателя, автора полупорнографических романов, которые Сальвадор украдкой читал в детстве. Сначала Дали показался ей сумасшедшим, но после они очень подружились. Дали был почти готов влюбиться в Наниту. Их отношения не были сексуальными, но доля эротизма в них, безусловно, присутствовала.

Другая близкая подруга Дали, известная певица и модель Аманда Лир, была живым воплощением его идеала, так как ее красота была андрогинной природы. Дали познакомился с Амандой в парижском ночном клубе «Карусель» в 1965 году, когда той было 19 лет. «Вы знаете, что я за смешение полов? — скажет он ей. — Красота — это всегда греческий идеал, гермафродит, божественное существо. Впрочем, вы могли бы быть юношей». Будущая звезда — высокая, длинноногая, очень красивая блондинка с роскошными волосами — выступала там под именем Пеки д'Осло. По слухам — но можно ли им верить? — на самом деле ее (то есть его) звали Алан Тэп. Но так ли это? Дали наслаждался, раскрывая людям тайну Аманды. Он показывал ее фотографии друзьям и спрашивал: «Нравится? А ведь она — мужик!» Выдумал ли он эту историю или это была правдой?

Говорили, что Аманда Лир — это игра слов L'amant Dal, что означает «любовница Дали». Первым комплиментом юной красавице было: «У вас прекрасный череп и высококачественный скелет». Но не только транссексуальностью Аманда привлекала Дали. Она была красива, умна, проницательна, владела несколькими языками, интересовалась искусством и задавала вопросы. Дали был рад роли учителя и тому, что мог появляться с Амандой на публике, будто бы с молодой любовницей. Он называл ее Стрекозой и Меланхолией, по названию живописного шедевра немецкого художника Альбрехта Дюрера — Аманда часто выглядела грустной и бледной из-за погруженности в свои любовные переживания.

Гала подруга Дали, которая близко общалась с ним в течение десяти лет, поначалу приводила в ярость. На дюжинах

фотографий лицо соперницы вырезано. По отношению к Аманде Гала была раздражительна, неприветлива и нетерпелива. Однако со временем она смирилась с существованием Аманды, потому что это не угрожало браку, и она могла спокойно удаляться в Пуболь со своими юношами, зная, что за «маленьким Дали» присмотрят. Более того, Гала заставила Аманду поклясться перед иконой Казанской Божией Матери, которая проделала долгий путь из России вместе с Гала, что после ее смерти она выйдет замуж за Дали. «Гала настаивала, — рассказывала Аманда, — она заставила меня произнести клятву… Она говорила властным тоном. Я поклялась на иконе, что никогда не покину Дали, и Гала отпустила меня». Но когда Гала не стало и Дали, совершенно беспомощный, остался один, Аманда забыла о своей клятве… Да разве кто-нибудь, кроме Гала, смог бы, как она, по выражению Робера Дешарна, нести Дали «на своей спине»?

…Однажды, после очередного визита в Пуболь, Гала проводила Дали и Аманду Лир до решетки замка, где они попрощались. «Мы помахали ей рукой на прощание и сели в старый „кадиллак“, — рассказывала Аманда. — Дали ей сказал: „Возвращайся быстрее, Galuchka! Я жду тебя, ты знаешь. Возвращайся ко мне! Baby, come back!“» По дороге домой в Порт-Льигат он говорил только о Гала — так ему ее не хватало, — что вызвало у Аманды обиду. Хотя чего уж там было обижаться — Гала есть Гала… Дали признавал ее исключительность, и ни одна женщина не могла затенить ее «удивительное», как он говорил, влияние.

> «С какой знаменитой женщиной вы хотели бы провести ночь?» — спросил Сальвадора Дали поэт и журналист Ален Боске. «Ни с какой, — ответил Дали. — Я на сто процентов верен Гала».

Художник не выдержал разлуки с обожаемой женой. Его здоровье резко пошатнулось, и Гала пришлось вновь вернуться к мужу и окружить его своей заботой. Она боролась за него и свое здоровье со свойственной ей твердостью, настойчивостью и упорством, заставляла есть, умываться и одеваться, хотя сама сильно кашляла и чувствовала слабость. Дали нуждался в присутствии и поддержке Гала даже в приступах самой черной депрессии. Она буквально принуждала его к работе — запирала в мастерской и злилась, что он уже не может рисовать так, как прежде.

Муха на кончике носа

В начале 1970-х годов у Дали появился каталонец Энрико Сабатер — в качестве журналиста ежедневной газеты города Жирона «Лос Ситиос». К тому времени он сменил много профессий. За интервью Дали запросил большую сумму, которой газета не располагала. Но художник проникся симпатией к журналисту и разрешил бесплатно себя сфотографировать. В тот самый миг, когда Сабатер навел объектив на Дали, на кончик носа Божественного села муха! Уникальный снимок публиковали все газеты мира, а удачливый фотограф вошел в ближний круг друзей Дали и в 1975 году стал его личным секретарем.

Поздняя любовь

…Вот Уильям, вот Мишель — французский философ, вот Аналисис — греческий пианист, вот Джеф… Недоброжелатели Гала называют их альфонсами, а рыбаки Кадакеса — женихами. Все они — из «ангелов», приглашенных к Дали для эротических живых картин, чуть более мужественные, чем те, к которым питает слабость Дали, но зато они нравятся Гала, потому что напоминают о художнике в молодом возрасте. С ними Гала погружается в свою безвозвратно ушедшую молодость…

Двадцатидвухлетнего Уильяма Ротлейна, американца-наркомана, супруги подобрали на тротуаре в Бруклине и заботились о нем, как о ребенке. Он тронул сердце Гала, в отличие от других, которые затрагивали лишь ее чувственность. Его Гала брала с собой в путешествия по Италии. Там они поклялись друг другу в вечной любви на могиле Ромео и Джульетты, знаменитых любовников из Вероны. Ротлейн слал Гала телеграммы из Америки: «Я ничего не понимаю я люблю тебя я не употребляю наркотики я не пью я потерян я люблю тебя я схожу с ума пожалуйста телеграфируй мне или позвони немедленно ты мне нужна я люблю тебя ты нужна мне не покидай меня». В какой-то момент Дали даже был уверен, что Гала уйдет к Уильяму. Обычно, когда она уезжала от него с очередным любовником, Дали был рад недельной свободе, но потом начинал скучать. В этот раз все казалось серьезней. Художник написал своей Галочке письмо, умоляя не бросать его. Но страсть Гала к Уильяму иссякла, когда он не прошел актерскую пробу у Феллини. Гала, сильно устав от эмоций, отпустила Уильяма. Ей не удалось полностью излечить его от наркотиков, хотя она не один раз помещала его в больницу, и он погиб от передозировки…

В любви Гала пренебрегала возрастом и условностями, поддерживая свою славу роковой соблазнительницы. Она боролась за свою красоту и отдаляла наступление старости до последнего: каждое утро принимала холодную ванну, пила новейшие американские витамины, втирала в кожу лица и тела питательные кремы, а когда кремы перестали действовать, делала подтяжки и пластические операции. Гала часто ложилась в знаменитую швейцарскую клинику «Прери» в Кларенсе, где ей вводили молодые клетки, что поддерживало ее сексуальные стремления. А ведь когда-то она умела нравиться, не прибегая ни к каким ухищрениям… И все же возраст давал о себе знать. На смену коротким юбкам пришли брюки, о шортах и купальниках

надо было забыть. Изменился и ее взгляд — все чаще Гала скрывала некогда сверкавшие глаза под черными очками. Впрочем, со спины Гала еще казалась соблазнительной — она подчеркивала свою тонкую талию поясами и носила короткие куртки. Но она не хотела осознать, что молодых любовников интересовали прежде всего ее деньги и мировая слава. Они хотели получить высокое покровительство Гала, и она, с юности призванная пестовать таланты, его щедро раздавала. Своим «ангелам» она советовала, как поступить, наставляла, заботилась, поддерживала деньгами, которые тратила, не скупясь, с легкостью подписывая чеки на огромные суммы.

Так, своему любовнику, который годился ей во внуки, американцу Джефу Фенхольту, в течение восьми лет исполнявшему заглавную роль в рок-опере Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса «Иисус Христос — суперзвезда» на Бродвее, Гала купила дом за 1,25 миллиона долларов и дарила бесценные картины Дали. Она не чаяла души в хрупком, утонченном юноше с блестящими (от разных возбуждающих средств) глазами и превозносила его до небес, хотя актер он был посредственный. В замке Пуболь, где Джеф обосновался, как у себя дома, Гала создала для него все условия для творчества, обустроила музыкальную студию — Джеф мечтал стать рок-певцом, — купила роскошный рояль и необходимое оборудование для звукозаписи. Встреча с Джефом перевернула жизнь стареющей влюбленной женщины и сделала несчастным Дали, которому приходилось терпеть присутствие любовника жены и в Испании, и в Америке, куда они уезжали на зиму.

Супруги появлялись на публике порознь — Дали с сиявшей молодостью Амандой Лир, а Гала — с Джефом. Вот и на торжественное открытие музея Дали в Фигерасе, которое состоялось 23 сентября 1974 года, они пришли в том же составе. Но Джеф быстро растворился в толпе. Напрасно расстроенная Гала звала его — разве она могла перекричать шум толпы, а Дали тянул ее за руку… Как только закончились речи мэра и Дали, которому вручили золотую медаль Фигераса, Гала, абсолютно равнодушная к происходящему, сбежала к себе в Пуболь. Кроме Джефа, ей никто не был нужен, и она стремилась проводить с ним как можно больше времени. Наверное, под влиянием Гала, которая внушала своим мужчинам мысли об их гениальности, Джеф почувствовал себя чуть ли не Христом. Во всяком случае, в интервью журналу «Уименс уэа дейли» в 1975 году он сказал о себе без лишней скромности: «Я — уста Господа с талантом великих мастеров».

«Гала всегда приходила на обед последней, — вспоминал

Энди Уорхолл, подружившийся с Дали благодаря влюбленной в художника француженке Изабель Дюфреси по прозвищу Ультрафиолет. — Она появлялась под руку с подростком с длинными светлыми волосами, который исполнял главную роль в мюзикле „Иисус Христос — суперзвезда“. Держалась Гала всегда прямо, может быть, потому, что была небольшого роста. Как только она входила в столовую, Дали тут же поднимался со своего места, хлопал в ладоши и объявлял: „Гала! И Иисус-с-с Христос-с-с — супер-р-р-стар-р-р!“ Все вокруг начинали аплодировать. Похоже было на цирк или на прием короля».

Впоследствии Фенхольт стал телепроповедником в Калифорнии и отрицал, что в их отношениях с Гала был секс.

Последний выход в свет вдвоем

Последнее официальное появление Гала в качестве спутницы своего великого мужа произошло в Институте Франции, куда Дали приняли 9 мая 1979 года. Дали был весь в зеленом, с усами, напомаженными до блеска воском Пино. Он, согбенный старостью, с трудом, но держался прямо. Гала нарядилась в платье пурпурного цвета. Президент Академии художеств, ассоциированным членом которой Дали стал годом раньше, композитор Тони Обэн, произнес речь, обращенную к художнику: «Вы гений, месье. Вы это знаете, мы это знаем… Если бы это было не так, вас не было бы среди нас и вы не были бы собой…»

Печальный конец

В последние годы жизни Гала личный психоаналитик ее мужа Румегер говорил: «Гала впервые по-настоящему бросила Дали. Все всегда знали, что она не хранила ему верность. Сам Дали был прекрасно осведомлен об этом, Гала никогда ничего от него не скрывала и оставалась для мужа надежной союзницей. Она привнесла в его жизнь полноту, безмятежность, и главное, она его спасла! Чета Гала — Дали воистину уникальный пример удивительной, достойной воспевания любви. Правда сегодняшнего момента состоит в том, что Дали больше не хочет жить. Факт, что у него открылась болезнь Паркинсона, неоспорим, но, по сути, мы имеем дело со своеобразным подсознательным самоубийством из-за того, что Гала утратила к нему интерес».

Гала было 86 лет. Ум ее оставался ясным всего несколько часов в день, которые она посвящала мыслям о Джефе, называя его Сальвадором. Она постоянно звонила Джефу, а когда супругам звонила Аманда Лир, Дали не хотел с ней разговаривать. «Какая деградация! — не переставала жаловаться Гала. — У нас очень печальный конец». Гала чувствовала себя совершенно обессиленной и напоминала персонаж из музея восковых фигур. Она ругала Дали и бранила его, как могла, превратив своего мужа в настоящего козла отпущения. «Я так больше не могу, — говорила она. — Я хочу расстаться с ним. Его роль — быть очаровательным, моя же — приводить людей в ярость». Гала стала невыносимой, агрессивной. Куда только делись ее терпение и жертвенная преданность! Состояния глубокой задумчивости чередовались у нее с сильными приступами ярости. Она кричала на Дали, настаивая на своем, — тот не хотел уступать… Совместная жизнь превратилась в настоящий ад. Престарелые супруги часто ссорились, дело доходило до драки, и в пылу ссоры Дали мог даже побить Гала своей тростью — на ее старческом теле оставались синяки от ударов. Гала не могла простить Дали, что из-за привязанности к нему она вынуждена была принести себя в жертву и расстаться с Джефом, который устал от этих отношений и не хотел больше покидать Америку. Но когда вместе с Джефом испарилась последняя иллюзия ее молодости, Гала навсегда вернулась к своему мужу, на котором стала вымещать свое отчаяние, буквально возненавидев его. Хотя супругов редко можно было увидеть взявшимися за руки, как в прежние годы, все-таки в их сердцах жили проблески былой нежности друг к другу. Только

смерть Гала разлучила их…

…Дали, растерянный и испуганный, как никогда, переходил от одного из присутствующих к другому, по сто раз спрашивая одно и то же: «Неужели Гала умрет?» Он до последнего надеялся, что она выздоровеет и снова станет молодой Galuchka. За несколько месяцев до этого она сломала шейку бедра, и ее положили в больницу в Фигерасе. Ничего ей не помогало, состояние Гала ухудшалось с каждым днем. Кожа после бесчисленных подтяжек, которые делала Гала, трескалась, раны гноились и не заживали… Ее перевезли домой, в Порт-Льигат, где вокруг нее бессмысленно суетились сиделки, которые ее причесывали, подкрашивали, одевали. Дали лежал на соседней кровати и не мог заснуть из-за хрипов умирающей. Тогда он распорядился поставить между ними ширму — художник не мог переносить вида Гала, погружавшейся в медленную агонию. Она сдалась. В отличие от Дали, не верившего в загробную жизнь, Гала не боялась смерти. Она много молилась, разговаривала с Богом, Богоматерью и ангелами. Ее пугала только старость, которую она пыталась победить, как могла, а смерть представлялась ей освобождением от земного ада, в который превратилась ее жизнь. «День моей смерти станет самым прекрасным днем моей жизни», — говорила она и принимала смерть как нечто спокойное и безболезненное. К ней пригласили священника, чтобы он соборовал ее, а Дали все не верил, что скоро наступит конец… Даже когда она умерла, художник настаивал, что она жива… «Если Гала не будет, — говорил Дали, — никто не сможет мне заменить ее. Она незаменима. Я останусь одиноким».

Гала и Сальвадор Дали

Гала ушла из жизни 10 июня 1982 года, около шести часов утра, спокойно, в своей кровати, лицом к мысу Креус — кровать была повернута так, чтобы она могла видеть море. «Остановка сердца на почве атеросклероза», — значилось в свидетельстве о смерти. Она завещала похоронить ее в своем любимом замке Пуболь, находящемся в 80 километрах. По испанским законам

еще со времен Средневековья, когда свирепствовали эпидемии чумы, перевозить мертвое тело без специального разрешения было нельзя. Но Дали все же исполнил последнюю волю жены с помощью сиделки и водителя, завернув умершую Гала в одеяло и поместив ее на заднем сиденье своего «кадиллака». Если бы их остановила полиция, можно было бы сказать, что Гала умерла по дороге в больницу.

Похороны состоялись на следующий день, 11 июня. Гала, набальзамированная, лежала в гробу под стеклянной крышкой в своем любимом красном бархатном костюме от Шанель. Черные волосы Гала были повязаны бантом. Дали при погребении не присутствовал. Только спустя какое-то время он ненадолго зашел в склеп, сказав при этом: «Посмотри, я не плачу…»

Сальвадор Дали пережил Гала почти на семь лет, но это была уже не жизнь, а медленное угасание. После смерти жены он не написал ничего стоящего. Огонь вдохновения погас, и художник погрузился в беспросветные будни, которые больше всего не любил в жизни. Совершенно больной, безумный старик часами сидел в столовой замка Пуболь, где все ставни на окнах в любое время дня были плотно закрыты. Гала-представление, праздник, казавшийся вечным, завершился…